

ЭТО НЕ МИСТИКА, А БЫТОВАЯ ЧЕРТОВЩИНА

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

*Про девушку, которая была
бабушкой*

Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой (АСТ)

Наталья Нестерова

**Про девушку, которая
была бабушкой**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Про девушку, которая была бабушкой / Н. Нестерова — «АСТ»,
2018 — (Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой (АСТ))

ISBN 978-5-17-107671-9

Однажды утром пенсионерка Александра Калинкина обнаружила, что чудесным образом помолодела почти на сорок лет! Теперь можно примерять модные платья, а не бесформенные балахоны, взыскать многолетний долг с работодателя и даже взглянуть в глаза бывшему мужу, который четверть века назад бросил ее одну с маленьким ребенком. Вскоре выясняется, что минусов у волшебного превращения не меньше, чем плюсов. Ни документов, ни семьи у юной Калинкиной больше нет, да и сама вторая молодость явно дана ей судьбой отнюдь не задаром и не навсегда. Нужно распорядиться ею правильно, а времени, чтобы найти верное решение, осталось в обрез...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107671-9

© Нестерова Н., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Нестерова

Про девушку, которая была бабушкой

Книги Натальи Нестеровой – как подарок на счастье. Прочитать, улыбнуться, задуматься. Веселые, лукавые, нежные, грустные – ее книги вселяют надежду, что все в нашей жизни к лучшему. Даже если в какой-то момент мы этого не понимаем! Главное – вовремя разглядеть его, свое счастье, ведь оно где-то рядом с каждым из нас: ходит по соседней улице, живет за дверью напротив, а то и в вашем кармане, просто спит и ждет...

Фотография автора – Ян Сизов

(Пазлы. Истории Натальи Нестеровой)

Оформление – Александр Шпаков

(Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой)

Оформление – Екатерина Петрова

Часть первая

1

В детстве я очень любила фильм «Морозко», смотрела его раз пять, выучила наизусть. Утренний сеанс в кинотеатре, билет стоит десять копеек, в зале народу немного, и кажется, что фильм крутят лично для меня. Медленно гаснет свет, идут начальные кадры – сладкое предвкушение встречи с кумиром, с веселым божеством.

Главная героиня Настенька в исполнении Натальи Седых меня не трогала. Красивая, конечно, но ее писклявый голос – ненатуральный, будто притворяется замученной неженкой. Главный герой, Иван, смазлив, напыщен и трафаретен. Выпрыгнул из иллюстрации к русским народным сказкам и так и остался картонкой ходячей. Марфушенька-душенька в исполнении Инны Чуриковой неподражаема, как и Баба-Яга – Георгий Милляр. Но они отрицательные персонажи. У Морозко, то есть у Деда Мороза, великолепные наряды, и он жутко справедливый. Однако Дед Мороз – он всеобщий, для всех детей. Мне, Саше Калинкиной, он в Новый год положит подарок под елочку и помчится дальше, у него этих елочек миллионы.

Когда вышел фильм, в 1965-м, мне было семь лет, и в Деда Мороза я уже не верила, подарки бабушка, мама с папой покупают – это понятно. И в то же время отчасти верила или надеялась на его, Деда Мороза, существование. В детстве с иллюзиями и младенческими привычками расстаются не быстро. У нас в первом классе, например, многие ребята в минуты волнения на уроке сосали пальцы. Я в том числе. Большой палец правой руки. А Витька Самохин – указательный левой почему-то, Лена Афанасьева четыре (кроме большого) в рот пихала.

Моим кумиром в «Морозко» был Старичок-Боровичок, лесной волшебник. Маленький, добренький, смешливый, веселый, с огромной грибной шляпкой на голове. В руках веточки с бубенцами. Он веточками стукнет – дзын-дзынь: «Иванушка-а-а!» Играл в прятки с заносчивым красавцем. Потом наколдовал ему медвежью голову, за хорошее поведение вернул человеческую и, к моей досаде, больше не появлялся в фильме.

Затрудняюсь подобрать слово, описывающее мое отношение к Старичку-Боровичку. Лесной колдунчик превратился в существо, используя современную лексику, виртуальное, которое стало для меня защитником и... звучит богохульственно, но – объектом молитв.

Родители велели доделать домашнее задание, съесть ужин, который в тарелке на столе в кухне, помыться и лечь спать. Мол, я уже большая, а они уходят в гости. Бабушка, как назло, уехала к своей двоюродной сестре, которой сто лет в обед, обед был в прошлом веке. «Пока не похороню, не приеду». К моим бы похоронам успела!

Квартира, давно изученная до каждой трещины в половых досках, становится жутким замком, где сейчас из *маминой из спальни* выкатится гроб на семи колесах, полетят черные простыни с кровавым пятном, кляца челюстями, из шкафов станут вываливаться скелеты. Я дрожу под одеялом, я сейчас насакаю в постель, хотя минуту назад с пулеметной скоростью бегала в туалет и обратно.

– Старичок-Боровичок! Мне страшно!

Дзынь-дзынь – машет он веточками:

– Ой, потешливая ты девица, Саша! Всех скелетов я давно разогнал, гробы на семи колесах поехали в починку, а на черных простынях кровавые пятна не видны. Пусть полетают? Не хочешь? Так я их в пыль рассею. А ты спи. Сказку рассказать? Или сама сочинишь, я послушаю.

Я придумываю сказку, в которой главные герои мои друзья, а Женя Уколов, абсолютный фаворит у девочек, вдруг обнаруживает во мне неземные прелести. Провожает до дома, несет мой портфель. Мы вместе ходим на каток, в кино, в парк на аттракционы. Женя занимает мне рядом с собой место в актовом зале (в спортзале, превращенном в актовый по случаю выступления детского театра). Девочки хотят пристроиться к Жене, он не позволяет: «Это для Саши Калинкиной!» Блаженство! Я засыпаю со счастливой улыбкой.

Конец четвертого класса. Я долго болела. Злостная ангина с осложнениями на суставы, вдруг опухшими, и на сердце, перестук которого не нравится врачам. Четыре месяца по больницам, операция по удалению гланд. В это время мои одноклассники решали задачки на движение (из пункта «А» в пункт «Б» выехал поезд, побежал спортсмен; они еще и навстречу друг другу носились) и про бассейны со шлангами (влилось – вылилось). Я же благостно читала замечательные книжки. Как горло перестало болеть, наступила благодать. Родители пачками носили мне книжки. Медсестры кривились недоверчиво: «Ты их читаешь или глотаешь?» Одна сестричка провидчески накаркала: «Будешь так много читать, станешь толстой». Кассандра в белом халате и с клистирной трубкой! Папа устал носиться по детским библиотекам Москвы, в которые я была записана, получать и сдавать книги, купил у букинистов собрание сочинений Вальтера Скотта:

– Читай рыцарские романы! Закончатся, принесу «Капитал» Карла Маркса.

– И мандарины? – спросила я.

Напуганные моей болезнью, вероятно, сильно истратившись, влезая в долги, родители покупали мне мандарины и гранаты. В марте и апреле! Другьям сказать, не поверят. Какой дурак поверит, что мандарины бывают не только в новогодних подарках, а гранаты не только в качестве экзотического презента, привезенного приятелем родителей из Грузии? Благодаря южным фруктам, которыми делилась, конечно, с соседками по палате, я пользовалась в больнице несправедливым авторитетом девочки из жутко богатой семьи.

Вальтер Скотт был проглочен и совершенно не сохранился в памяти. Потому что ранее в стопку книг из районной детской библиотеки затесался «Дневник Кости Рябцева» Николая Огнева.

Книга меня потрясла, взорвала мои хлипкие девичьи мозги. Какие уж тут «Айвенго», «Роб Рой» и чистая романтическая любовь? Эхо взрыва не проходило долго, да и сейчас раскаты слышны. Книга Огнева умная, честная, очень откровенная – про подростков-школьников. Динамит – это сквозная линия чувств подростка. Невероятной силы тяга к девочкам, страдания, муки, борения, самобичевания, конфликт низкого доступного и возвышенно-мечтательного. Косте Рябцеву было пятнадцать лет, а мне тогда двенадцать. Наши мальчишки гораздо бóльшую тягу испытывали к футболу, чем к девочкам. Когда в команде не хватало игроков, могли взять вратарем. И если ты пропускала мяч, то весь двор слышал, как тебя обзывают, списывая на тебя собственное мазилово. Но ведь в каждом дворовом приятеле, или в однокласснике, даже в Жене Уколове, прячется Костя Рябцев. И всех их влечет или повлечет к нам, девочкам, со страшной силой. Надо дожидаться и подготовиться. Как именно подготовиться, когда Женю Уколова повлечет, – вот в чем вопрос. Чтобы прямым курсом – ко мне.

А вдруг и с девочками то же самое происходит? Это будет тихий ужас, и к нему тем более нужно быть готовой.

Я однажды присутствовала при разговоре мамы с приятельницей, у которой дочь готовилась к поступлению в консерваторию.

Приятельница жаловалась:

– Я ей говорю, что надо заниматься по восемь часов в день, а ты в облаках витаешь, когда судьба решается. Она мне кивает в ответ понуро: «Да, мама. Я понимаю, мама». Я ей: «Зайка,

мы с папой все для тебя сделаем! Скажи, чего тебе хочется?» Она поднимает глаза и бормочет: «Целоваться».

Моя мама рассмеялась, и я решила, что это шутка. Взрослые часто смеются над непонятными анекдотами.

Теперь эта история предстала в совершенно ином свете. Ведь это ужасно, когда постоянно целоваться хочется!

Из больницы меня выписали аккуратно перед экзаменами. Тогда сдавали – за начальную школу, с переводом в среднюю. Я бы все влет сдала... кроме арифметики.

– Старичок-Боровичок! Помоги!

– Чего ж тебе?

– Письменный экзамен по арифметике. А я ни бум-бум. Здравствуй, дерево!

– Какое дерево? Береза или дуб, осина?

– Порода дерева ни... при... чем! Задачи на движение и бассейны. Я их не решу! То есть потом разберусь, летом – обещаю! Мне так стыдно будет! Саша Калинкина! Была круглой отличницей, а стала неуспевающей? Это позорно! Тем более что вместо решения задач я вела дневник. Скучнейший получился! Потому что у меня не наблюдается зова плоти, а писать про уколы и лекарства, про больничную жизнь не интересно.

– От меня-то чего желаешь? – спросил Боровичок. – Ускорить зов плоти?

– Нет, что ты! Чтоб у меня раньше, чем у Жени Уколова? Вложи мне в голову недостающие знания.

– Не могу, сам есть неграмотный. Хочешь, на экзамене у учительницы рога станут расти?

– У Марии Сергеевны? – ужасаюсь я. – Ни в коем случае!

– Жаль, – поскукнел старенький проказник. – Вот потеха: я бы поднатужился, и у всей школы, кроме тебя, – он поднял руки с растопыренными пальцами и показал, как забавно на головах учеников и педагогического коллектива ветвились бы рога.

Фантазия колдуна (она же моя собственная) не всегда отличалась человеколюбием.

– Лучше, – попросила я, – посади меня рядом с Фридманом или с Женей Уколовым. Они по математике самые сильные. И чтобы они дали списать. Ах! Все напрасно! У сидящих рядом за партой разные варианты, списывать бессмысленно.

Дзынь-дзынь – щелкнул веточками Старичок-Боровичок.

Двадцать минут от начала экзамена, я таращусь на условия первой задачи, в которой два велосипедиста рванули навстречу друг другу с разницей в полчаса, и скорость их была известна, также общий путь, требовалось определить координаты встречи. Вторая задача не проще. В цистерну заливали бензин, потом откачивали... сколько осталось, если известно время залива и откачки... Чтоб им взорваться, этим цистернам!

– Калинкина! – вдруг велела учительница. – Пересядь за парту к Уколову.

Женя сидел один, уже все решил, локтем двинул ко мне тетрадь и принялся сосредоточенно в черновике рисовать фигурки безумных человечков.

Я передирала решение задач с удовольствием и азартом, уж теперь могу сказать – единственным испытанным за всю жизнь, – с удовольствием воришки. И ранее, и позже мне не привелось что-то тырить, воровать, брать чужое. Хотя выпало цитировать без сносок на источники.

За экзамен, несмотря на копирование верных решений, я получила трояк и была переведена в шестой класс. Этот трояк мне дороже золотой медали, с которой я окончила школу. Потому что незаслуженная оценка – либо акт милосердия Марии Сергеевны, которая закрыла глаза на одинаковые варианты, либо колдовство. То и другое восхитительно.

На летних каникулах с помощью папы я разобралась в отношениях «скорость-расстояние-время», с вытекающими бассейнами и цистернами, перерешала все задачи, что пропустила. Я любила математику. Не так, как литературу, но любила. Нормальный человек должен преклоняться перед царицей наук. Как перед творением великого зодчего. Сам ты построить грандиозный дворец не можешь, но поклониться гениальному архитектору обязан.

Вероятно, человеку, ребенку особенно, надо на кого-то уповать, кого-то просить, верить в чье-то могущество и способность управлять твоей судьбой. Конечно, есть мама. Потерять ее – страшнее страшного. Но все-таки мама не всемогуща. Потому, что спит в соседней комнате, а не на небе почивает, и неумоимо прививает тебе хорошие манеры. Назначение божества не воспитывать тебя, а исполнять желания.

Во времена моего детства в нашей семье никто в Бога не верил. Москва была утыкана сохранившимися церквями – как историческими свидетельствами предрассудков предков. Бабушка иногда обращалась к Матери Небесной, Царице Небесной.

Как я это слышала? «Царица Небесная, не дай моей внучке из-за гланд сердцем пострадать!» Как я могла представить Царицу Небесную? Снежной королевой из одноименного фильма. Такую допросишься! Если бы не Герда, Кай превратился бы в айсберг. Плывет этот айсберг, таранит советское научно-исследовательское судно, ученые сыплются за борт как тараканы, которых моя мама изгоняет из кухонных шкафчиков с помощью аэрозольного баллончика.

У меня всегда была буйная фантазия. С годами я сумела эту фантазию пинками и тычками загнать под плинтус. Периодически фантазия пыталась выбраться, пускала тонкие ростки. Слабые, хилые, бледно-зеленые, тянущиеся к свету. Жалко вырывать, но надо. Как сорняки. Побег вредной травы тоже бывают симпатичными, однако не дают произрастать полезным растениям.

Мой единственный сын Данька. Ему лет восемь было? Может, шесть, не вспомнить. Корежится. Тоскует. То ластится, то огрызается. На вопрос: «Что случилось?» – отмахивается с досадой: «Нормально у меня все!» Детские тайны крепче государственно-шпионских.

Я возьми и скажи Даньке:

– Когда тебе плохо и ты ищешь помощи, но ее не может оказать тебе никто из живущих и очень-очень любящих тебя, надо просить того, кому доверяешь, того, кто не в взаправдашней жизни.

Через некоторое время у Даньки ушли из глаз тоска и отчаяние. Я не могла удержаться. Кто у сына ангел-хранитель? Точно не Старичок-Боровичок. На видеоманитофон несколько раз ставила кассету с «Морозко». Старичка-Боровичка сын не заметил. Ему очень понравились ожившие коряги и разбойники, чьи палицы Иван пулял в небо.

Подруга Лена в это время была увлечена английской диетой. У Лены два ребенка, а у меня один. У Лены все научно, а у меня безалаберно.

Утром ребенок должен съесть порцию овсяной каши, которая обволакивает желудок и защищает. Я вяло отбивалась: чего там обволакивать и защищать, поди, не гвоздями питаемся, не соляной кислотой запиваем. Лена настаивала: «Ты, Саша, мать! Хорошая мать по утрам кормит ребенка овсянкой. Посмотри, как она чудно называется! «Геркулес» на пачке написано. Ты не хочешь, чтобы твой сын был Геркулесом?» Я хотела, конечно, чтобы Данька внешне походил на героя мифов. Но Авгиевы конюшни чистить?

– Две уже проглотил, – пихаю в рот сыну ложку за завтраком. – Надо! Тетя Лена сказала. Осталось пять. Рот открой! Что значит, сама ешь? Я уже вышла из овсяночного возраста, я терпеть не могу эти сопли тягучие. Открывай рот! А то я не буду хорошей матерью, а ты Геркулесом. Не смей поджимать губы! Чтобы не опоздать на первый урок, тебе надо через десять

минут выскакивать. Опоздаешь – меня снова в школу вызовут. Данечка, скажи мне, сыночек. Рот открой, проглоти и скажи. Ты кого из героев просишь, когда очень-очень надо?

– Разных, – давится ненавистной кашей сын. – Раньше Чебурашку, иногда Терминатора, в смысле Шварценеггера, Сталлоне, а бывает, что дедушку Ленина.

– В хорошенькую компанию Владимир Ильич попал, – говорю я, соскребая остатки каши с тарелки и толкая в рот сыну. – Даня!!! – воплю я.

– Что???

– У тебя сегодня лыжи по физкультуре!

– Точно! Ботинки на антресолях. А где сами лыжи?

– На балконе? За столом с бабушкиными консервами?

– Я за стремянкой и на антресоли. Ты – на балкон! – командует Даня.

Когда твой малолетний сын командует здраво, по-мужски – это благодать подчинения. Мол, вырастила руководящую личность.

Когда та же личность находит нужным через несколько дней возвратиться к теме предшествующего разговора и признается, что всех своих «засыпательных» кумиров он обязательно просит: «Только чтобы всегда мама была!» – ты испытываешь... не полет счастья, напротив, погружение. В нирвану, в бочку с медом, в невесомые цветные облака. И когда ты слышишь от сына слова, оправдывающие твою пропащую молодость, потерянную в его болезнях, а потом в его немотивированных капризах и взрывах бешенства – понимаешь, что не напрасно. Что твоя жизнь удалась, как бы там ни злословили про Сашу Калинкину, которая подавала *такие* надежды, но безобразно растолстела и превратилась в клушу.

2

В детстве Старичок-Боровичок мне снился часто. Засыпая, я вызывала его на разговор с просьбами наворожить мне ту или иную услугу. С возрастом, моим и его, очевидно, Старичок-Боровичок стал тускнеть, дзынь-дзынькал своими колокольцами не поднимая рук, а опустив их меж колен, словно хотел, усталый, проверить звук. Огромная грибная шапка сморщилась, напознала на его курносое, раньше смешливое, а теперь обиженное лицо. Я выросла, он старел. Зрелым особям кумиры не нужны. Грибные волшебники – быстро портящийся продукт.

В ночь, предшествующую утру, с которого я должна начать рассказ, мне приснился Старичок-Боровичок. Прежний – из детства, бодренький. Много-много лет не снился, я уж думала, что преставился. А он крепенький, задорный, потрясывает веточками с бубенцами, коротенькими ножками с кочки на кочку перескакивает. Кочки – холмики на нетопком болоте – покрыты изумрудным ковром пружинистого мха. Из каждого холмика береза растет, вокруг ствола россыпь грибов. Я терпеть не могу фитнеса и прочую физкультуру, но прежде очень любила собирать грибы.

Колдун-боровичок со мной играет в догонялки. Я за ним по болоту ношусь легко и свободно, не устаю. В реальной жизни я с трудом поднимаюсь по лестнице на третий этаж.

Колдунишка наигрался и спрашивает:

– Чего тебе, Саша, хочется?

Я смеюсь и пожимаю плечами: что может быть замечательнее такого детского сна? Я отлично знаю, что сплю, что видения эти – подарочные, но приятны, как настоящее.

– Может, молодость тебе вернуть? – предлагает Старичок-Боровичок.

– Кто же не хочет быть вечно молодым?

Просыпаюсь по зову природы, иду в туалет. Сон не рассыпался, не забылся, стоит перед глазами, как понравившийся, только что закончившийся фильм. Романтическая комедия для семейного просмотра, поэтому я все время улыбаюсь.

Перемещаюсь в ванную, чтобы помыть руки. Возможно, и зубы почистить, хотя эту процедуру можно отложить на после завтрака.

Поднимаю глаза и замираю. Из зеркала на меня смотрит лыбящаяся девица – та самая, из сна, то есть я, то есть не я, а я молодая, скачущая по грибному болоту. Во сне, как и в подсознании, мы себя воспринимаем сильно приукрашенными.

– Э-э-э... здрасьте! – бормочу я.

И отражение со мной здоровается, точь-в-точь.

На девице моя любимая ветхая, застиранная до неприличия (а кто видит?) ночная сорочка. Только вырез сполз, выставив на обозрение юные ключицы и оголив плечико.

Я прочитала уйму книг и видела много фильмов про «попаданцев» – людей, которые неожиданно переносятся во времени или в другую действительность, про героев, с которыми происходят странные метаморфозы, – и прочую фантастику. Они достаточно быстро справляются с шоком. Это понятно – действие ведь должно набирать темп, и авторы никак не могут позволить героям три часа биться в истерике или убеждать себя, что не тронулись умом.

Не знаю, сколько я просидела на корточках под раковиной, я даже не заметила, как рухнула. Босым ногам и попе на кафеле стало холодновато. Тактильные галлюцинации? Зрительные тоже присутствуют. Эта ступня, что торчит из-под ночнушки. Она не моя! Узкая щиколотка, от сустава к кукольным пальчикам пучком расходятся проступающие сквозь тонкую кожу веточки сухожилий. Где отеки – водяные линзы, кольшущиеся при ходьбе? И рука не моя. Никакой дряблости, пальцы тонкие и длинные. Ущипнуть себя чужой рукой за чужую ступню – ой, больно!

И в то же время декорации прежние. У тумбы под раковиной отлетела ручка-шарик, все забываю сыну сказать, открываю дверцу с помощью пилки для ногтей. Мне видны полотенца, висящие на крючке – мои. У плитуса не достает десяти сантиметров. «Хозяйка, клянусь! – божился ремонтник. – Завтра приду и надставлю!» До сих пор идет, получил деньги и сгинул.

Самое главное! Как я могу сидеть, обхватив коленки? Физически невыполнимый номер. При росте метр семьдесят пять я вешу сто сорок три килограмма. Весила... когда последний раз вставала на весы... год назад. Чего зря расстраиваться? Контроль веса волнует стройных женщин, а когда перевалило за центнер, плюс-минус пять килограммов значения не имеют. Я никак не могла бы прижать коленки к груди и водрузить на них голову. Однако именно так сижу, и мне становится холодно.

Хотелось бы, конечно, написать, что я встала, выпрямилась во весь рост, посмотрела в зеркало на свое отражение, подмигнула ему и с прямой спиной, с ликованием во взгляде вышла из ванной. Ничего подобного! До комнаты я передвигалась на четвереньках, периодически дергая ночнушку, которая стала парашютных размеров, и если я вставала на нее коленками, тормозила движение. Я подвывала и скулила как испуганная собака, ищущая укромное и безопасное место.

Самым укромным был платяной шкаф. Но в нем под одеждой, что весит на плечиках, свалка вещей. Ко мне редко приходят гости. Когда приходят, я навожу быстрый порядок, запиная неудобнообозримое в шкаф. Иногда совершаю расчистку. Когда ищу в шкафу что-то крайне необходимое. «Крайне» случается редко.

Шкаф – это стратегически неверно. Шкаф – это трусость, слабование, бесхарактерность и тупость. Все характеристики, кроме последней, ко мне относятся.

С чего все началось? Со сна. Такого милого. Чтоб он приснился моему врагу! Чтоб я имела врагов! Сон надо вернуть обратно, переиграть, переспать... Нет, глагол «переспать» совершенно иное значение приобрел. Давайте не будем углубляться в лингвистические дебри!

Так мы дойдем до неожиданной современной семантики невинного в прошлые века глагола «трахнуть». Просто залезем в постель, укроемся простышкой.

Лето, июнь, жары еще нет, но у меня и под простыней в многочисленных жировых складках пот выступал. А сейчас прохладненько. Не будем привередничать – замерзла, видите ли! Легла, руки на груди сложила, сейчас сон придет.

Не приходит, и даже глаза не хотят закрываться – шарят, зрачками крутят, оглядываются.

Все мое – привычное, родное. Для убедительности я слегка подпрыгнула на ортопедическом матрасе. Он самый, хотя пружинит неубедительно. Даня, сын, и его жена, Маша, притащили мне этот матрас: надо спать ортопедически – водрузили прямо на разложенный диван, которой принимал сидячий вид очень редко. Зачем каждый день выполнять упражнения по складыванию-раскладыванию? Никто ведь не видит! К организованным, поддерживающим порядок для себя, а не для гостей, людям я не отношусь. Я ленива альтруистически.

Маша вытащила из пластикового пакета на молнии клетчатый плед – будет покрывалом. Матрас я сначала не оценила, а покрывалу-пледу возрадовалась. Какая красота! Можно поверх пледа среди дня завалиться с книжкой, да еще укрыться его длинным концом. И будет приличненько. А когда днем лежишь на стареньком шелковом покрывале, все-таки чувствуешь себя нарушительницей, похмельной забулдыгой, которая не в силах трудиться, ей требуется проспать.

Сейчас плед неживописно свисает с моего рабочего кресла. Его тоже Даня и Маша притащили, и оно тоже ортопедическое, с широченным сиденьем, как для гениального детектива толстяка Ниро Вульфа. Нет ли у современной молодежи некоего фетишизма на почве ортопедичности?

Плед на кресло брошен мной прошлым вечером. Прочая обстановка не претерпела изменений: громадный письменный стол, еще дедушкин. Бабушка говорила о рано ушедшем муже: «Какой был мужчина! Царица Небесная, благодарю, что мне достался!»

Поскольку слова *достался*, *досталось* употреблялись чаще всего в отношении продуктов и вещей, за которыми отстаивали в многочасовых очередях, я считала, что мужей тоже выдают в специальных пунктах, по очереди. Хорошо, что мама оказалась в начале очереди, и ей достался мой замечательный папа.

– Бабушка! – допытывалась я в детстве. – Кем дедушка, твой муж, был?

– Счетоводом! – Бабушка поднимала указательный палец.

Название профессии «бухгалтер» ей казалось недостаточно солидным, а я лет до пяти думала, уже будучи лишенной иллюзии про мужей по очереди, что счетовод – это главное министра. Правда, я путала слова и однажды гостям, когда бабушка пустилась в пространные воспоминания о покойном муже, не выдержала и выпалила:

– Он был звездочетом!

На письменном столе при жизни бабушки лежали счеты – громадные, отполированные временем, с рядами выгнутых спиц и костяшками размером с крупную сливу – дедушкины. Наверное, бабушка слегка обманывала себя – муж не умер, а ушел на работу, вечером после ужина сядет за стол, наденет очки, разложит бумаги и будет в многотысячном балансе искать пропавшие две копейки. Счеты – моя любимая игрушка в детстве. Костяшки – это герои. Принцессы, рыцари, их верные слуги (как Фигаро и Конек-Горбунок), всесильные, но ничего не понимающие в любви цари и королевны – родители принца или принцессы, рыцари – верные друзья влюбленных, попутные герои и прочая челядь. Костяшек-персонажей много, они туда-сюда щелкают, носятся по спицам – сначала медленно, а потом с бешеной скоростью, пока не замрут в счастливом финале на левой стороне счетов. Сказка окончена, хорошие победили.

Счеты сломал уже Данька, пребывавший в периоде разбора всего и вся на составляющие – от часов до радиоприемника. «Как ты умудрился раскурочить счеты, они ведь монументаль-

ные?» – «Я на них прыгал». Наши дети топчут то, что было для нас Вселенной. Теперь, говорят, у детей есть «Лего», и юных исследователей не интересует устройство новенького утюга.

Стол помнит мои глупые девичьи дневники, мои курсовые, диплом и любовные письма. В недрах его ящиков хранится семейный архив – фотоальбомы, старые документы, письма, Данькины первые рисунки, школьные дневники, табели, медицинские книжки – много чего семейно-исторического, никогда не требующегося.

На столе монитор компьютера, клавиатура, кривая пирамида папок, книг, огрызков бумаги с крупной надписью: «Напоминание!» Я себе напоминаю. Чаще – бесполезно.

Если от стола проследить – открытая балконная дверь. Колышутся задернутые на ночь шторы. Внутренние, тонкие, гипюрово-кисейные, молочно-белые, выплескиваются при порывах ветра из-под гобеленово-бархатных, темно-бордовых наружных – как нижняя сорочка у зазевавшейся аристократки. Виктор Гюго, увидев, как его невеста переходит улицу, написал ей письмо, исполненное боли, страсти, стыда и отчаяния: когда девушка наступала в лужу, сохраняя платье, поднимала подол, и становились видны ее шиколотки и нижняя юбка. Мы едва не потеряли великого писателя из-за этого позора. Его бы в «попаданцы», в наше время, по телевизору музыкальные клипы посмотреть.

Поворот. Буфет. Старинный, но вряд ли антикварный. Бабушка увидела его в *скупке* – так она называла комиссионные магазины. Буфет очень напоминал тот, что мама бабушки, моя прабабушка соответственно, хотела дать ей в приданое, но «из-за революций все пошло не по-человечески». Дедушка, наверное, очень любил бабушку, иначе как объяснить, что он вез буфет через всю Москву на грузовике, а потом реставрировал? В верхней части буфета хранится покрытая вековой пылью парадная посуда, которой я не пользуюсь. В нижних ящиках то, что не влезло в письменный стол.

Уже упоминавшийся платяной шкаф по возрасту – внук буфета, по нынешним временам – винтажный предмет мебели. Тумба, на которой стоит телевизор, ровесница шкафа. После тумбы с телевизором книжный стеллаж от пола до потолка. Он невероятно тяжел, потому что состоит из отдельных полок. Раньше такие были в каждом доме, продавались поштучно, представляют собой прямоугольный параллелепипед из ДСП, длинная сторона с полозьями для стекла. Их вешали на стены, сдвигая для *красоты дизайна*, как шутил мой папа, по горизонтали, или просто ставили друг на друга, как у нас. Если бы полки не были прибиты к стене комнаты и вздумали упасть, а рядом вдруг оказался бегемот, то мы бы потеряли животное.

Стеллаж – моя сокровищница. Дверцы-стекла отсутствуют, потому что большинство книг не проходят по высоте полок и лежат плашмя, нестройно выпирают. При некоей доле воображения стеллаж можно принять за книжное дерево, кора которого – корешки книг. Один вертикальный ряд полок – словари. Когда не было Интернета, когда никто не мог представить, что легким нажатием на клавиши можно узнать, сколько раз русские брали Берлин или как называется просмоленная нить сапожника (дратва), или как точно зовется жительница города Урюпинска: «урюпинка» или «урюпчанка», эти словари были бесценны. Теперь они, говоря литературно, немые свидетели эпохи. А я кто до сегодняшнего утра? Второй ряд – книги по искусству, в основном по живописи. Своей библиотекой я могу гордиться без ложной скромности.

После стеллажа снова поворот – дверь в коридор. Направо – на кухню и к удобствам, мой недавно проделанный на четвереньках путь. Налево – во вторую комнату, бывшую Данькину. Там на полу ковер моей бабушки. «Вот, купила, три месяца в очереди отмечалась, теперь мы как люди – ковер на стене». Бабушка была глуховата, и папин комментарий: «Теперь мы – как простые советские цыгане» – слышали только мы с мамой. После смерти бабушки ковер съехал на пол. Когда Данька женился, я совершила большой подвиг. Выбросила его тахту (символический акт – *живи с женой, а здесь тебе спальное место не предусмотрено*), заказала книжные полки, которые заняли две стены. На них переехали книги, которые до того – в коробках, связ-

ках, навалом – были везде: на антресолях, в кладовке, в прихожей, в углах – на любом пятачке свободной площади. Книги собирали родители, потом я, подросток Данька и подключился к этому увлекательному интеллектуальному коллекционированию. Все книги не поместились. Отсортированные я вынесла в подъезд, прошлась по этажам, положила на подоконники. И ведь кому-то приглянулись «Особенности термической обработки полупроводников» и «Теоретические основы математической физики».

У окна стоят маленькие детский столик и стульчик – внучкины. Ее игрушки в пластиковых контейнерах. Когда Катюшка остается у меня ночевать, мы достаем с антресолей односпальную надувную кровать. Надувать ее (с помощью электрического компрессора, в простонародье – *надувальщика*) увлекательно. Сначала растет база кровати, потом раздается щелчок и надувается матрас, простроченный в большую клетку. Получается ложе высотой Кате по плечи. Это уже не подающаяся учету надувательная кровать. На них очень весело прыгать (внучке, а не мне, конечно). Если долго скакать, то где-нибудь порвется. Тоже увлекательно – воздух выходит со свистом и шипением, как из обиженного толстого задаваки-хвостуна. Ставить заплатки, клеить прореху бесполезно – мы ведь потом снова прыгаем. Данька клеил и злился, что его труд напрасен. Он терпеть не может напрасного труда. Мне проще купить новую надувательную кровать. В интернет-магазине. «Здравствуйте, Александра Петровна! – узнает по телефону девушка-диспетчер. – Снова односпальная кровать? У нас новая особо прочная модель. Ваша скидка постоянного покупателя – десять процентов». Не могу даже представить, что думает вежливая девушка на том конце об Александре Петровне, регулярно покупающей надувные постели.

Если кровать не лопнула, Катюша засыпает на ней, однако ночью все равно прибегает ко мне: «Бабуля, ты такая теплая, как из ладиватолов (радиаторов). И пахнешь крадавоном». Вероятно – «кардамоном». Я не имею понятия об этом запахе, да и внучка, подозреваю, тоже. Просто ей понравилось слово, она его перекрутила на свой лад. Точно как я в детстве: утверждала, что правильно говорить *всасос*, а не *пылесос*, он же не только пыль поглощает.

Ползти в детскую и проверять обстановку совершенно не хочется. К тому же забыла упомянуть про журнальный столик в моей комнате, что перед диваном, ставшим невыносимо ортопедическим. На столике улики ночного чревоугодия: разделочная доска с корочкой хлеба, огуречными хвостиками, шкурками колбасной обертки и срезанными с сыра жесткими стечочками. Плюс – нож и большая кружка с остатками холодного чая. Холодного не потому, что остыл. Мой любимый напиток (привет от американских романистов) – холодный чай с лимоном, и я уже давно не утруждаю себя сервировкой для одинокого ужина, ведь тарелки надо потом мыть. И книга, конечно. Электронная. Если бы я имела деньги и силы ходить по магазинам или, предположим, сын и невестка покупали бы мне бумажные книги, то через несколько месяцев в моей квартире остались бы муравьиные тропы для передвижения, а от пола до потолка высились пирамиды томов. Я не люблю выбрасывать книги, но куда девать прочитанные? Из редкого десятка одну стоит оставить дома, вернуться, перечитать.

Что я вчера читала?

«Элегантность ежика» Мюриель Барбери. Пленительно! Объедение! Главная героиня Рене в чем-то похожа на меня. Не молода, не красавица, фанатка-книголюб. Правда, Рене низкого происхождения, училась только в начальной школе, а я окончила университет с красным дипломом, она работает консьержкой, а я тружусь вольной журналисткой. Мы обе самообразованы в различных областях благодаря книгам. Рене разбирается в философии, в которой я плаваю, зато увлекаюсь естественными науками. Рассуждения Рене, то есть автора, о назначении и красоте языковой грамматики умны, точны и восхитительны, я позавидовала ее умению сформулировать то, что я всегда знала и чувствовала.

Мюриель Барбери преступница! Я выяснила в Интернете, что у нее больше нет книг, которые стоит прочесть. Хороших авторов за отсутствие плодовитости надо подвергать тюремному заключению.

У меня скачаны в электронную книгу (куплены (!) в электронной библиотеке) три романа Исигуро и две повести Акунина, привязанные к его «Истории государства Российского». Еще говорят (в Интернете), что Тесс Герритсен ушла от детективов и написала великолепный фантастический роман, лучше «Штамма Андромеды» Майкла Крайтона. Действие происходит на космической станции, оторваться от чтения невозможно. Есть еще и умные нехудожественные книги, но я специально их не назвала, чтобы сразу признаться в пристрастии к легкой литературе, не исключаяющей регулярного знакомства с серьезной.

Лена Афанасьева, моя подруга, как-то в молодости принялась анализировать, как целуются ее кавалеры: Дима *так...* а Вова *этак...* Я слушала-слушала, а потом не выдержала: «Главное, что ТЕБЕ хочется и нравится целоваться!»

Не знаю, насколько понятным, уместным и приличным покажется вам это сравнение. Но с книгами, действительно, как с любовью. Есть необязывающий, легкий, приятный, щекочущий флирт. Это так называемая массовая литература – детективы, увлекательные мелодрамы, фэнтези. А бывает встреча с человеком, пусть и без постели в последующем, пусть короткий разговор, пусть он, этот человек, на другом конце стола во время банкета, на который тебя случайно занесло, говорил тост или просто смотрел на окружающих, отвечал на вопросы... Тебя перевернуло, встряхнуло, в тебе обнаружилось кладези, о которых прежде не подозревала. *Кладези* – слово торжественного стиля, гипербола, пожалуй. Окна, двери, порталы – в новые неожиданные мысли, рассуждения, в чувства новые, умные и вдохновляющие. Это – высокая литература. Всякий мало-мальски грамотный их отличает, как видит разницу между случайной связью и настоящей любовью. Умные книги встречаются чаще, чем настоящая любовь, а хорошей легкой литературы меньше, чем флирта в молодости.

По книге Исигуро снят фильм с одноименным названием «Остаток дня», я его скачала (бесплатно, пиратски). Как и сериал «Молодой Папа». Маша сказала: надо смотреть. Вкусу невестки я доверяю безоговорочно. Она мне посоветовала посмотреть «Аббатство Даунтон» и «Ментовские войны». Английский сериал и отечественный. Сама бы на них не обратила внимания из-за слов «аббатство» и «ментовские» в названиях.

Все это обозначает, что на ближайшие недели мне обеспечено тихое приятное существование – обычное. Чужие талантливые фантазии вполне заменяют личные, спорного качества.

Итак, в комнате все на месте – родное, привычное, знакомое, как бы говорящее мне, что ничего не изменилось, повода для паники нет. Твое убежище не пострадало и хватит сочинять небылицы! Я не сочиняю! Вот, щупаю себя! Это не мое тело! Со мной непорядок, вернее – чудо. Каждому чуду находится объяснение.

Лена Афанасьева однажды мыла пол, вытирала вокруг тумбочки, на которой стояла лампа, которая вдруг тихо прошелестела: «А теперь вести с полей...» – и заткнулась. Стоит себе, лампа как лампа. Лена не успокоилась, пока через приятелей не познакомилась с аспирантом-физиком Сережей Калининным. Он растолковал, что, радиоточка, находившаяся за стеной от лампы, чего-то там экранировала, послала импульсы. Я плохо слушала, я влюбилась в Сережу. Через год стала его женой. Была Калинкиной, стала Калининной – явное повышение статуса. Через пять лет Сергей нас с Данькой бросил. Ушел как отрезал: ни звонков, ни воскресных визитов к сыну – навсегда.

Брошенная женщина испытывает непреодолимые страдания, единственное утешение – в мечтах отомстить – и потому способна на чудовищные пакости. Даже тихоня вроде меня может ударить точно в яблочко, в болевую точку. Когда меня спрашивали, кто был Данин папа,

я отвечала: «Физик средней руки». Сергею, наверное, донесли, он так обиделся, что ни разу алиментов не прислал.

Все это было очень давно.

Если меня пугает чудесное превращение, то почему я не трясусь от страха, не звоню в «скорую», не рыдаю и даже не скулю жалобно? Дедушкин стол, нижние юбки и Виктор Гюго, Исигуро, Акунин и Барбери, шторы, словари, объедки на столике, электронная книга, надувные кровати, воспоминание о замужестве и разводе – это называется паническая атака? Ни один врач при такой *атаке* даже валерьянки не накапает. Валяюсь как покойница с руками, сложенными на груди, и думаю на посторонние темы.

«Думаю» – вот подсказка!

Гениальный женский рецепт Маргарет Митчелл, автора «Унесенных ветром». Ради этого рецепта стоило написать книгу, хотя и сам роман замечательный. Я ПОДУМАЮ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА.

Осмелюсь заявить, что сия спасительная подсказка годится не только для утилитарных личных невзгод. Она действует как женское орудие. На взрослых мужских особях мне не довелось испытать, но когда хулиганство сына выходило за все рамки, я строго просила:

– Подумай, пожалуйста, об этом завтра!

– Почему завтра-то? – недоумевал хулиган. Не знал, пугаться или радоваться отложенному наказанию.

– Потому что сегодня, вижу по глазам, ты не настроен думать о том, что натворил, анализировать, а не давать пустые обещания, лишь бы я отвязалась. Если и завтра до тебя не дойдет, почему нельзя на стенах подъезда и в лифте писать вульгарные стишки, то думай послезавтра и каждый день до конца недели. Заодно найди в словарях значение слова «вандал». Если к воскресенью ты мне приведешь пять исторических случаев вандализма, то поедем на Главпочтамт покупать и гасить марки.

Наверное, от такого *воспитания* профессиональный педагог пришел бы в ужас: ребенок нашкодничал, а ему – заветные марки для коллекции. Но Данька утром в воскресенье собрал «коллектив вандалов», и они отмыли стены, я им меняла ведра с водой и выдавала моющие средства. Мечтала, что поедем с сыном на Почтамт, будем выбирать марки, но по-мальчишечьим глазам поняла, что им милее без меня, своей компанией отправиться. Ведь на метро от «Сокольников» до «Кировской» (сейчас «Чистые пруды») по прямой всего четыре остановки. Вручила деньги, в том числе и Стасику двадцать пять копеек, который не марки, а значки собирал. Вечером «вандалы» несколько часов копошились над своими коллекциями, съели мои запасы макарон, тушенки, баранок, основательно уменьшили запасы варенья. И, конечно, не сделали домашнего задания.

Воспоминания – утеха пожилых, а я чудесным образом сейчас молода. С другой стороны, можно констатировать, что мой мозг не отбросило в юношеские лета. И за это – большое спасибо! Что бы делали Данька и Маша с девицей, чье сознание сорокалетней давности? Искали бы по миру клиники для таких уникалов? Я не хочу в клинику! И насколько лет точно меня отбросило? Чем изображать из себя новопреставленную, лучше выяснить, как я выгляжу.

Я вскочила, сняла через голову рубаху и поскакала нагишом в прихожую к большому зеркалу. Я не скакала полвека.

Это я еще до замужества? Еще и до родов? Грудь не обвисла, скульптурно торчит, как у греческо-римских изваяний богинь, нимф и прочих весталок. Девушка не худа, по современным канонам ей не помешает сбросить три-пять кило. Но античный эталон выдержан полностью. Сергей, бывший муж, часто просил меня: «Постой нагая, я на тебя буду смотреть». Я

вертелась счастливо, принимала позы, хохотала и просила не обращать внимания на наличие рук, чтобы уж совсем напоминать Венеру Милосскую, великую скульптуру.

Не помню, чтобы в юности я рассматривала себя голой со всех сторон в зеркале. Мы жили тесно: мама, папа, бабушка, я. Если бы застукали за припадком нарциссизма, умерла бы со стыда. Оголиться в старости и рассматривать гигантскую грушу жирной плоти? Зачем портить настроение? Разве что перед суицидом.

Но поверьте! Чертовски приятно после многих лет увидеть (просто опустив голову, а не в зеркало) свои ноги и курчавый лобок.

Я вертелась перед зеркалом. Вот я анфас, в профиль, вид сзади слева, вид сзади справа. Я издавала звуки. Не колокольчатую девичью трель смешков, а что-то более похожее на счастливое хрюканье поросенка, ловящего ртом сладкие кусочки.

Однажды я что-то искала в письменном столе, наткнулась на старый фотоальбом. Сравнение меня в юности и за-стокилограммовой настоящей было настолько поразительным, что я выдрала из альбома свои снимки, сложила в отдельный пакет и надписала: «Вскрыть после моей смерти». У меня нет комплексов на почве собственной разросшейся плоти, она не отвращает меня, не вызывает стыда, горечи, сожаления, проклятий генетическому наследству или эндокринному сбою. Что выросло, то выросло. Заливаться потом, конечно, противно, отдышка не подарок, как и боль в суставах. Но если мало двигаться, то всех этих неприятностей можно избегать. Меня волновало, что кто-нибудь из дорогих, родных, любимых и близких людей случайно увидит эти снимки и переживет шок, круто замешанный на сострадании, жалости, собственной беспомощности, неспособности выдернуть из жирной туши стройную девушку с фото. Доставлять подобные страдания родным и любимым – не гуманно. И что мне прикажете делать с их вселенской скорбью, абсолютно лишней? Людям обидно, когда их добрые чувства неуместны.

3

Хрюканья для выражения восторга было недостаточно, и я запрыгала. Так завидовала внучке, скачущей на *надувательной* кровати! Радовалась за нее и отчаянно грустила по тому ощущению, что дарит короткий полет вперед или ввысь, качели, карусели и другие возможности оторваться от земли.

Если бы еще вчера мне вдруг втемяшилось подобным физкультурным упражнением заняться, то, не ровен час, проломила бы перекрытие и свалилась на нижний этаж: «Здравствуйте, я ваша соседка сверху!» Сценарий маловероятный. Вряд ли мне удалось бы оторваться от пола хоть на два сантиметра.

Я прыгала перед зеркалом с разворотами сначала на девяносто градусов, потом на сто семьдесят, рискнула сделать полный оборот – триста шестьдесят градусов, не удержала равновесия, упала, захрюкала обиженно: поросенок вздумал подражать соседскому щенку, но не вышло.

И тут раздался испугавший меня звонок в дверь.

На четвереньках подползла к двери. Данный способ передвижения, похоже, входит у меня в привычку.

Я поднялась и посмотрела в глазок. Светлана Ильинична, старшая по дому.

Отлично, сейчас на ней проверим мою новенькую упаковку. Я такая молодая Венера вся из себя Милосская только в собственном видении или во всеобщем?

Встречать пожилую женщину в чем мать родила не годится, я сорвала с вешалки плащ, запахнулась в него и открыла дверь.

Светлана Ильинична наше, жильцов, финансовое счастье. Счастье – это уже трижды производимые в нашу пользу пересчеты квартплаты. Опасаюсь, что управляющая компания, с

которой у Светланы Ильиничны неутрачивающая война, наймет киллеров и общественницу прибить. Квартплата взлетит, но это ладно. Жалко человека, на пенсии обретшего дело, как она говорила, «во благо ста семидесяти трем квартирам и проживаемым». От нас, ради кого Светлана Ильинична воевала, ничего не требовалось, только ставить подписи под заявлениями и прочими петициями.

Если бы вам каждый месяц пришлось ходить по ста семидесяти трем квартирам и собирать подписи, то у вас, определенно, тоже выработалась способность быстро и кратко пояснять суть дела, задавать вопросы и самому на них отвечать – выслушивать нет времени.

Наш диалог занял пять минут. Я несколько раз сказала «да», один раз упомянула личное имя и одно географическое название. Меня интересовало, видят ли меня посторонние в новом облике. Видят! Светлана Ильинична подсказала мне легенду.

– Здравствуете, а ты кто? Родственница Саши?

– Да.

– Племянница?

– Да.

– Приехала погостить?

– Да.

– Почему нагая в плаще? Из ванны выскочила?

– Да.

– А где Саша, в магазин пошла?

– Да.

– Мне ее ждать недосуг, у меня еще сто три квартиры. Скажешь, была Светлана Ильинична по поводу ремонта крыши.

– Да.

– Совершеннолетняя?

– Да.

О! Выгляжу с подозрением на несовершенно-летнюю!

– Как звать?

– Шура Калинкина.

– Сама откуда?

– Из Благовещенска.

Мне очень нравятся названия с библейским флером. Преображенское. Борисоглебское. Воскресенское. А в Благовещенске я «была в командировке» – беру в кавычки, потом объясню.

– Это куда китайцы так и прут?

– Да.

– Распишешься за тетку?

– Да.

– До свидания!

– Да. То есть всего хорошего!

Я закрыла дверь и исполнила перед зеркалом выступление стриптизерши, которой было велено уложиться в три секунды. Распахнула полы плаща, чуть застыла и сбросила его с королевской грацией: вот! Смотрите, любуйтесь, восхищайтесь!

Стриптиз – это, конечно, смело и авангардно, и о-о-очень ново в моей жизни. Однако представительницы этой профессии потом все-таки одеваются.

МНЕ НЕЧЕГО НАДЕТЬ!

Типичный вопль женщин всего мира, включая европейских принцесс и аборигенок в джунглях Амазонки. Однако если принцессы бесятся с жиру, а у аборигенок соломенные юбочки тропический дождь подпортил, то у меня взаправду, по-настоящему и честно НЕЧЕГО

НАДЕТЬ! Есть точное наблюдение: если мужчина говорит, что ему нечего надеть, то не имеет чистого, если женщина – нет нового.

Я ни то, ни другое, ни третье, я вообще не пойми что и МНЕ НЕЧЕГО НАДЕТЬ!

Возьмем нижнее белье. И тут же его бросим. Необъятные трусы – в одну их дырку я войду двумя ногами, и еще свободно будет. Бюстгальтер. Мама родная! Если по центру разрезать, получится два капюшона на головы не меньше пятьдесят восьмого размера. Никому не требуется? Лифчики мои сшиты корсетным мастером из Воронежа на заказ, общение по переписке. Без примерок, естественно, но с запасом. Им нет сносу, потому что нет *носу*. Нижнее белье я отменила. Как ежедневный атрибут одежды оно мне не требуется. *Не из природы, а в природу* – русские крестьянки веками обходились без лифчиков, а трусы считали признаком гулящих баб.

Дома я большей частью хожу в халатах, под которыми сорочки-ночнушки. У меня два халата: летний ситцевый и зимний байковый. Против одного знаменитого халата-шляфрока Обломова. Но функции те же: кутать грузное тело человека, не желающего много двигаться, куда-то ходить, к чему-то стремиться, хлопотать, нервничать, спорить, доказывать – суесться. Гончаров называет халат послушным рабом Обломова. Я бы поспорила. Скорее, мы с Ильей Ильичом рабы халатов. Властелин к нам, изнеженным и апатичным, крайне добр: «Надень меня и валяйся целый день на диване с книжкой».

На выход у меня имеется гардероб, весьма скудный. «На выход» – это не в свет, не на праздники, не в гости, не на светские, упаси господи, мероприятия. На выход за порог квартиры – в булочную-пекарню, находящуюся в четырехстах метрах от моего дома. Продукты, моющие и гигиенические средства, даже мелочь вроде ниток, бумагу, чернила для принтера и проч., проч., проч. я покупаю в интернет-магазинах, то есть с доставкой на дом. Не помню, когда я последний раз удалялась от своего дома на несколько километров. «На выход» равняется «на вход» – это когда меня навещают дети и подруга Лена Афанасьева. Я пала низко, но не настолько, чтобы встречать их в замызганном *шляфроке*. Я из него выбираюсь, снимаю ночнушку, надеваю белье, брюки и тунику...

Когда же я последний раз выбиралась из дома далеко и надолго? Вопрос меня заинтересовал. Еще вчера я, не предаваясь воспоминаниям, ответила бы на него: «Давно и слава богу! Еще бы подольше не было повода. Никогда и до конца!»

Два года назад Даня попал в больницу после автомобильной аварии. Я извелась от тревоги, хотя он бодро говорил по телефону, что отделался ушибами и трещинами костей. Маша, опять-таки по телефону, дрожащим голосом провибрировала: «У него переломы, но без смещения». Они меня оберегают, они знают, что я человек бесполезный в решении любых проблем. У Даньки, наверное, сплошные смещения, все кости в лохмотья. Ведь Маша и Даня неосмотрительно использовали множественное число – *костей, переломы*. Я вызвала такси и поехала в больницу. Может, моему сыну кровь понадобится, а моя – родственная, отдам всю до капли. Хотя в моей крови жира в виде холестерина больше, чем эритроцитов.

Сын полусидел на кровати, левая нога и правая рука в гипсе, пол-лица заплыло синячищем. Непострадавшим глазом смотрел в компьютер, лежащий на животе, и тыкал в клавиатуру пальцами незагипсованной руки. Словом, вполне живой и, как всегда, при компьютере. Ложная тревога.

Даня мне очень обрадовался и заявил, что ради того, чтобы вытащить меня из дома-норы, готов периодически занимать место манекена в краш-тестах при испытаниях автомобилей. Я обозвала его извергом. Мы отлично поболтали, много смеялись, вспомнили свой старый язык. Долгое время мы с сыном были как близнецы, общающиеся на только им понятном наречии, со словами-символами и со словами-кавёртышами, отсутствующими в русской лексике. Потом

близнецовый период кончился, Даня женился. Это было нормально, здраво и правильно для обоих. У Дани образовалась семья, у меня – халаты-властелины.

Я никогда не хотела, чтобы сын превратился в великовозрастного мужика-прилипалу к мамочке – единственной и неповторимой, вечно безрассудно любящей, удобной в быту – накормит, с утра чистую одежду предоставит, не зудит, не пилит, не требует сегодня одно, завтра другое. Жены вечно требуют, если не словами, то взглядом. Естественные мужские потребности можно удовлетворять на стороне. Удовлетворил – и к мамочке. Ужин на столе в кухне под салфеткой. С утра завтрак, как он любит, не надо двадцать раз объяснять – яичница-глазунья. Три оранжевых солнышка, пойманные белыми облаками, а по краям наступают злые волны Вселенной, края сморщились в коричневой ажурной сетке. Это можно есть только со сковородки.

Маша мне потом говорила:

– Человек, который завтракает со сковородки, необязательно деревенский пентюх.

– А его мама необязательно особа, которая ненавидит мыть посуду, – кивнула я. – Когда Агату Кристи спросили, как у нее рождаются сюжеты, она ответила, что во время мытья посуды. Это занятие кого угодно наведет на мысль об убийстве.

Если вы испытываете смущение, то проще всего спрятаться за цитатами.

Маша не знает, что, когда Дане исполнилось тридцать лет, я ужаснулась: вырастила себе сына-прилипалу. Мое будущее выглядело вполне привлекательно: сын до гробовой доски (моей) будет пребывать рядом. Но у него-то должна быть своя личная: интересная, трудная, изматывающая, зубосточительная жизнь! В семье, с детьми, с выстрелом в будущее. Я – мать-ведьма, которая лишает своего сына будущего – потомков, бессмертия.

И я стала дрелью. Сначала ручной, потом на аккумуляторах, потом питающейся из электрической розетки, не прекращающей подачу энергии. Ты не хочешь жену-пилу, получи мамочку-дрель. Хотя мы виделись урывками – за завтраком, редкими его возвращениями вечером, когда я еще не сплю, по выходным, когда погода не позволила ему прыгать с парашютом, участвовать в гонках на квадроциклах (летом) или гонять на снегоходах (зимой).

Даня поступил на факультет вычислительной математики в МГУ и на первом же курсе свихнулся на продуцирующих адреналин утех. Я терпеть не могу физкультуру и спорт. В ущерб его мальчишечьим потребностям все детство вбуровливала в него интеллектуальные ценности. Исключение сделала только для бассейна. Недалеко от дачи Москва-река, мальчишки туда бегают, не уследишь. Пусть научится плавать, чтобы не утонуть. Через несколько месяцев тренер сказал, что Даня перспективный, что его переводят в спортивную группу, это бесплатно, но тренировки каждый день.

– Решать тебе, – предложила я восьмилетнему сыну. – Однако английские глаголы никто не отменял, и я хотела, чтобы ты занялся музыкой. Слух у тебя средненький, но хотя бы освоишь азы музыкальной культуры.

Данька выбрал бассейн, и наступило мучение. Из школы он ехал на тренировку, возвращался домой, обедал и клевал носом над домашним заданием, а тут еще я с английским. «Костями лягу, ты ляжешь, но язык выучишь, это трудно и нудно только на первом этапе». Дотянули до лета, после каникул Данька в бассейн не пошел. Ему было позволено смотреть мультики сколько влезет, но только на английском языке. Я с ним занималась год, во втором классе. Блестящее знание английского – его собственная заслуга. Особенно он продвинулся, когда мы смогли позволить себе купить компьютер, игры были на английском, хочешь, не хочешь – выучишь.

Даня поступил в университет и предался опасным для жизни развлечениям. Ему следовало жениться еще и поэтому – ради жены и детей не подвергать себя риску. Да и вообще пусть

его супруга сходит с ума от волнения. Может, ей больше повезет с психосоматикой, и она не станет, как я, заедать тревогу в процессе бесконечного жевания.

Маша – это мне подарок небес. Если у вас никогда не было дочери, а вы мечтали о ней, если выпало стать свекровью, сын привел девушку – точно такую, какую вы мечтали вырастить, а она уже готовенькая, без двадцати с лишним лет тревог и хлопот, – это и есть подарок небес.

Данька успешный программист, адреналинозависимый эрудит с убийственным чувством юмора, сильно отдающим чернотой и беспардонностью. Очень покладистый – всегда с вами соглашается, но делает только по-своему, не снисходит до споров по пустякам. Девяносто процентов того, что волнует нормальных людей: быт, внутренняя и внешняя политика, жизнь медийных звезд, рост цен, пробки на дорогах – для Даньки пустяки. Для меня-то он единственный и неповторимый, но попробуй с таким сосуществовать!

В период *работы дрелью* я сверлила сыну мозги:

– Конечно! Ты умный человек, поэтому не женишься. Ты знаешь, что непереносим в быту. Прекрасно, что не женишься! Ведь тебя будут возвращать мне через полгода с длинным списком рекламаций. Как неремонтируемый телевизор, который показывает только те программы, которые хочет. Главное, сыночек, чтобы срок гарантии закончился.

– Напротив, не закончился, – поправлял меня Данька. – По гарантии можно подсунуть другой продукт. У меня приятелей много. А без гарантии, компенсируя претензии, ты разоришься.

– Почему, когда я пытаюсь наставить тебя на путь истинный, даже путем трепанации черепа, проваливаюсь сверлом в пустоту?

– Потому что волнуешься по пустякам.

Данька не мог повести под венец безмозглую длинноногую модель. Он выбрал модель с природным материнским, семейным инстинктом, с отличным экономическим образованием и со свойством, не побоюсь быть нескромной – как у меня: шутить над болью. Не досаждают близким своими несчастьями (проблемами, трудностями, несправедливостями), а шутить. Кто умный и добрый, тот поймет, его не нужно просить. *Паклям-имаклям будет неудакля!* – на нашем с Данькой языке так звучало напутствие нечутким, эгоистичным людям.

Маша не просто спустилась с небес. Через семь месяцев после свадьбы она из сказочных высей добыла нам сокровище – мою внучку Катю.

Вчера с Катенькой я разговаривала по телефону. Внучка, ей сейчас четыре годика, сказала, что она теперь не Катя, а Екатерина, а потом будет Великой, только ей не хватает платья «как у цалицы бальсой-бальсой чашкой», и я пообещала, что, когда приедет ко мне, я сооружу кринолин из картонной коробки. Екатерина Великая – это она, наверное, смотрела сериал с бабушкой Любой по телевизору. Сейчас как раз по телевизору повторяли «Екатерина. Взлет». Моя сватья, мать Маши, Любовь Владимировна, – личность неординарная, и я о ней обязательно потом расскажу.

Кого-то изображать – это папины гены. Данька в детстве попеременно был пиратом, космонавтом, милиционером. . . Смена образа зависела от книг, которые я ему читала, потом которые он читал самостоятельно, от диафильмов и фильмов, от пластинок, которые он слушал. После «Человека-амфибии» он вздумал вырастить себе жабры и жить под водой. Целый день проторчал в ванной, ныряя и задерживая дыхание. Я принесла табурет и сидела рядом – как бы не утонул. Жабры вырастить не хотели, а я предложила почитать Фенимора Купера. Через две недели сын уехал в пионерский лагерь и там подбил ребят удрать в лес. *Бледнолицые*, они отправились спасать индейцев. Переполох был нешуточный, Даньку едва не отчислили.

Хорошо, что у девочек, то есть у Кати, фантазии эстетичные, не залихватские и не опасные для жизни. Платье чашкой – это красиво и безопасно.

4

Я перебирала свой скромный гардероб и думала о детях. Ведь я теперь моложе сына и невестки. Как они отнесутся к подобной метаморфозе? Сама не знаю, как к ней относиться. Возможно, завтрашним утром я проснусь в прежнем обличье. А если дети нагрянут вечером или через три часа?

Набрала телефон сына:

– Привет, Даняк!

Так я сына называю не часто и только когда нас никто не слышит.

Много лет назад, когда о персональных компьютерах и мечтать не приходилось, я числилась внештатным корректором в издательстве. Брала работу на дом, я вообще мало трудилась в коллективах – не могла оставить сына. В издательстве случился аврал, нужно было срочно вычитать верстку. Чем я и занималась до полуночи, а Данька, придя ко мне после школы, играл на редакционном компьютере. На следующий день я застала редакторов в недоумении. Они тоже были не чужды геймерства, но во всех таблицах рекордов всех игр значился какой-то «даняк».

Я сразу расшифровала и повинилась:

– Следовало написать Даня К. – Даня Калинин. Это мой сын.

Коллеги, уточнив, сколько ему лет (семь), сказали, что Даняк – гений.

– Привет, мам! Хотел тебе звонить. Мы сегодня привезем Екатерину Великую, без кринолина ей жизнь не мила. Оставим на выходные, ладно?

– Здорово! То есть нет! Дело в том, что я срочно улетаю. В Благовещенск. Там моя двоюродная сестра... э-э-э... Вера. Она заболела, буду ухаживать. Я уже билет на самолет купила. По Интернету, теперь это просто. – Врать надо быстро, поняла я за десять секунд. – А в моей квартире пока будет жить дочь Веры, моя тетка, только Шура. Милая девушка, на меня в молодости похожа.

– погоди-погоди! – насторожился сын. – Что-то не так. Я первый раз слышу про твою сестру.

– Мы недавно нашли друг друга, в «ВКонтакте», то есть в «Одноклассниках», не виделись с детства, стали активно общаться.

– Все это нелогично и странно. Дочь бросает больную маму, а ты летишь на край географии. И с каких пор ты в соцсетях тусуешься?

Я почти физически чувствовала, как в мозгах сына выстраиваются, то есть никак не выстраиваются логические связи, алгоритмы не складываются. Надо этот процесс прервать, запутать еще больше, подбросить в топку хаоса еще больше абсурда.

– Девушка приехала в институт поступать. Нелогично! – с обидой воскликнула я. – Вы постоянно упрекаете меня, что сижу сиднем, а когда я собралась в дорогу, возникают нелепые подозрения. В этом есть логика? Ты меня, Даня, удивляешь! Тороплюсь, скоро придет такси. Целую! Буду звонить! Пока! – Я нажала «отбой» и шумно выдохнула: – Фу-у-у... – и вытерла несуществующую испарину на лбу.

Голой (надеть-то мне нечего) разговаривать с великовозрастным сыном, врать на чистом глазу! Почти *стать героем* или *принять ислам*. На интернет-сленге, которым в совершенстве владеет мой сын, это означает «умереть». Представляете, как веселился Данька и ему подобные, когда запустили рекламу видеокамеры со слоганом «Стань героем!». По Данькиной терминологии я *граммар-наци* – человек, помешанный на правилах орфографии и пунктуации, не любящий вульгарных кáлек и пошлых заимствований лексики. Данька специально меня драз-

нит, употребляя интернет-сленг, и то, что сейчас разговаривал литературно, означает, что сын серьезно напрягся. А что было бы с ним, узнай он правду?

Вернемся к гардеробу. Молодое тело требует модной одежды. И не хочет сидеть дома. Если бы я проснулась как обычно, то уже завтракала бы, растянув прием пищи часа на два, прислонив электронную книгу к сахарнице, поглощая новый роман. Потом переползла бы в комнату на диван. Дочитав роман, вряд ли села бы трудиться за компьютер. Работа не волк, а поспать перед обедом бывает очень сладко.

Есть совершенно не хочется, аппетит отсутствует. Чашку черного кофе, маленькую, а не привычную литровую бадью кофе с молоком и тремя ложками сахара? Еще, пожалуй, галетку из пачки низкокалорийных сухариков с анорексичной девицей на коробке и надписью: «Контроль веса». Поддалась порыву, купила три недели назад. «Сами ешьте эти куски подметок из отрубей, – рассуждала я еще вчера. – Мне милы пряники, вафли, булки из пекарни». Разре- заешь булку вдоль пополам, намазываешь маслом, на одну половинку щедрый шмат ветчины или колбасы, на вторую – пластинку сыра толщиной в палец. Вкуснотища!

Данька и Маша тоже любят эти булки.

Маша говорила с набитым ртом:

– Надо скинуться на киллера и пристрелить этого пекаря. Объедение!

– Бери шире, – вторил жующий Данька. – Подложить в пекарню бомбу и взорвать, пусть они примут ислам и станут героями.

– Гуманисты вы мои! – радовалась я хорошему аппетиту детей.

Сейчас на булки мне и смотреть не хочется. Куда девать их недельный запас? Положить в холодильник. И почему я продолжаю разгуливать нагишом? Потому что приятно с чашечкой кофе в очередной раз подойти к зеркалу и полюбоваться на юное тело. Молодость – время здорового нарциссизма.

На выход я выбрала тунику из тонкого поплина – цветастого, в экзотических, из джун- глей, растениях – подарок Маши. Невестка давно меня одевает и знает мою униформу – брюки и туники до середины бедра, то есть почти до колена. Джемперы отменяются, в них я потею как престарелый боксер, вздумавший вернуться на ринг. Летом *брюки превращаются, превра- щаются* – в бриджи. Туники остаются.

Туника из *джунглей* хороша тем, что имела завязки – по горловине шнурок прятался в кайме – и можно регулировать декольте путем стягивания или растягивания шнурка. Надев тунику и затянув шнурок до максимальных сборок, я имела нечто вроде платья-балахона. И выглядела как девушка в пестром на матраснике!

Не будем поддаваться панике! Если взять шелковый шарфик, опять-таки Машин пода- рок, скрутить его в жгут, повязать вокруг живота (нет у меня живота!) вроде пояска... Ну-у- у... как-то... терпимо. Можно сказать авангардно, если не сказать нелепо. Талию подчеркнули, ножки представили. Когда у меня была талия? В прошлом столетии – и это не фигура речи, а исторический факт.

С обувью швах. Тридцать седьмой размер давно превратился в разлапистый сороковой. Относительно новые кроссовки, но ступня в них бултыхается как пестик для размалывания специй, который кому-то взбрело засунуть в чайник. Большое спасибо современным дизайне- рам от высокой моды! Теперь кроссовки носят с чем ни попадя. Видела по телевизору: дивы иностранные в легких платьицах и в кедах, наша очень хорошая актриса на премьере фильма – в вечернем наряде и в кедах. Я тогда подумала: «Куда катится мир? Совсем кутюрье чокну- лись!» Они чокнулись к моей большой выгоде.

Я топталась в прихожей перед зеркалом, рассматривала себя в наряде *почти от кутюрье*, немного попрыгала. Выходить за порог было страшно. Хотелось, но страшно. Если на четвереньках... Так! Помолодеть не значит сойти с ума! Вперед! Смелее!

Подход к двери насчитывал несколько попыток. «Правило туриста» – наше с Данькой правило, а теперь уже и его семьи. Сходить в туалет не когда хочется, а когда есть возможность. Кофе я допила? Проверила, допила. Закрывать балконную дверь, вдруг случится гроза, тайфун, смерч, торнадо, служба МЧС передаст штормовое предупреждение и... И что? Мою квартиру вырвет из кирпичного дома, унесет как домик-фургон Элли и Тотошки? Тут вам не Изумрудный город, а обыкновенная Москва. Еще раз выполнить правило туриста не помешает. Собираюсь на выход с такой ужасной сумкой? Старческий ридикюль! Уж лучше бросить кошелек (телефон, ключи) в пакет.

Ах! Как мы, студентками, ценили импортные пластиковые пакеты! Мы их покупали у зарубежных студентов. Стирала, укрепляли скотчем изнутри и жутко расстраивались, когда пакет приходил в негодность. Мало кто догадывался рассмотреть надписи на пакете. Главное, чтобы было импортно и цветасто.

– Ленка! – однажды схватила я подругу за руку. – У тебя на пакете реклама презервативов! Читай: «Condom for all and forever».

– Сашка! – простонала любимая подруга. – С тобой всегда так! Я за пакет негру с истфака три рубля отдала! И кондом – это не гондон!

– Просто его зарубежный брат, от тети, эмигрировавшей после революции.

– Какие на фото парень и девушка! – чуть не плакала Лена. – Они в секунду от поцелуя...

– Так ведь с презервативом в кармане, – извинительно хихикала я. – Выкини, забудь! Иначе тебе не светит познакомиться с парнем, владеющим английским в программе спецшколы.

– Как же! – возмутилась Лена. – Выбрось! Я его в общежитии вьетнамкам загоню. За пять рублей или даже за семь. У них русский дремуч, без деления на мужской и женский роды, а глаголы без времен: *Я сегодня хорошо вчера покушал* – это она у меня таблетку от поноса хотела попросить. Не в деньгах счастье! С чем я на свидание пойду?

Выбирая достойный пакет, я усеяла пол недостойными из коробки под раковиной в кухне – там хранились пакеты для мусорного ведра. Пластиковая сумка из книжного магазина: интеллигентная, с изображением книжных полок, приятного цвета, почти не мятая.

Я готова на выход. Надо идти! Почему надо? Кому надо? Новому телу, то есть старому, то есть не старому, а юному...

Лифт. Я всегда поднимаюсь и спускаюсь на лифте. Живу на третьем этаже. Я не видела ступенек между этажами много лет.

Данька, охламон-озорник, тогда студент, повесил в подъезде объявление: «Внимание! Лифт вниз не поднимает! Будьте осторожны!» И люди ходили пешком. Кроме меня никто не увидел нелепости *вниз не поднимает*. Я объявление сорвала. Данька потешался: «Инерция мышления у людей зашкаливает!» У меня сейчас зашкаливает страх, иррациональный и одновременно шекочаше-приятный. Как в детстве, на даче, когда я, на спор, ночью отправилась на деревенское кладбище нарвать черемухи.

Лестница, металлическая дверь на улицу, крыльцо, двор, припаркованные машины, детская площадка, мамы с колясками, дворники-таджики сбились в группу, о чем-то лопочут... Они меня рассматривают! Мою грудь, не упакованную в броню лифчика. Спокойно! Они еще не знают, что я без трусов. Хорошо, что нет ветра. Помните, знаменитый кадр, где у Мэрилин Монро вздымается юбка? Фильм назывался «Зуд седьмого года», и потоки воздуха, хулиганившего с платьем, дули из вентиляционных решеток в асфальте. Такие имеются только в

Америке? Вдруг у нас тоже появились? Я медленно двигалась и осматривала землю как минер на задании.

– Что-то потеряли? – подошел ко мне один из дворников.

Я тарашилась на дворника, подозревая, что его элементарный вопрос подразумевает замаскированное: «У тебя под платьем ничего нет, дэвушка?» Таджик улыбался открыто и дружелюбно, из-за затянувшейся паузы слегка смущенно. Если не ответить, повернуться и уйти, воспримет как проявление шовинизма, обидится.

Буду честной.

– Потеряла. Плоть. Почти сто килограммов. – Конец фразы я пробормотала тихо, неразборчиво. И снова повысила голос: – Если найдете – ваша!

Вряд ли он знает значение слова «плоть». Но, кажется, занятие дворникам по поискам плоти я обеспечила.

До метро ближайший путь по Сокольнической Слободке, но я свернула на Маленковскую улицу. Там, недалеко от моей бывшей школы, есть торговый центр с гуманными ценами.

В кошельке две с половиной тысячи рублей, на карточке – двадцать три рубля, пенсия поступит только через две недели. У меня есть солидные накопления – триста семь тысяч шестьсот долларов. Но эти накопления надо еще выцарапать, вырвать, отбить, что без нижнего белья сделать проблематично. Я буду чувствовать себя беззащитной, как рыцарь без доспехов и алебарды перед лицом хорошо вооруженного противника.

5

Продавщица, милая девушка, со мной намучалась. Я не знала размеров своих бюстгалтера и трусов, я очень удивилась, что для определения размера лифчика потребовалось измерить сантиметром мой торс (у нас-то было просто – номер один, два или, о, счастливицы, три), я хлопала глазами при виде трусов, представлявших собой композицию из тонких ленточек, или шортиков с «усиленной попой» (у них сзади были спрятаны меж слоев ткани два поролоновых блина), или *трусов корректирующих* (утягивающих живот, бока – кому что надо)...

– А вы откуда? – вырвался у продавщицы вопрос.

Я хотела ответить: *с Урала*. Но вряд ли девушка поняла бы эту цитату из фильма Геральда Бежанова «Самая обаятельная и привлекательная».

– Живу в квартале отсюда, – честно сказала я.

– Болели?

– Посттравматическая амнезия, – промямлила я. – Шла по улице зимой, гололедица, упала, стукнулась головой, очнулась – гипс и ничего не помню: как зовут, где живу, маму с папой не узнаю. Полгода лечили, теперь пытаюсь заново войти в действительность.

– Отпад! – восхитилась девушка. – Обожаю кино про амнезию. Я тебе, – легко перешла она на «ты», – еще двести рублей сброшу.

– Огромное спасибо! Можно всё это, – показала я на выбранное белье, – здесь у вас, у тебя надену?

Примерочной и зеркала в крохотном магазине не было. Продавщица взяла в руки какую-то простынку, закрыла меня, как прикрывают полотенцем на пляже человека, меняющего мокрый купальник на сухое белье:

– Одевай!

– Надевай! – автоматически поправила я, сбрасывая балахон.

– А?

– Одевать – кого: ребенка, подругу, парализованную бабушку. Надевать – что: платье, шапку, пальто. Лифчик велик!

– Снимай, другой размер дам, хотя у нас примерять не положено.

Пока она искала меньший размер, я стояла укутанная в простынку. Дружеское участие, женская солидарность подействовали на меня вдохновляюще. Если бы, выйдя из дома, я столкнулась с агрессией, попала впросак, оскандалилась, оконфузилась, то испуганно рванула бы обратно. Пусть само собой рассосется. Мои проблемы, если их не решать, рассасываются гораздо быстрее, чем если ими заниматься. В этом вся моя философия.

Напоследок продавщица, добрая душа, почти подруга, видевшая, что в кошельке у меня осталась рублей тысяча с небольшим, сказала:

– В подвале соседнего дома открыли секонд-хэнд, там за копейки можно прилично одеться.

– Спасибо тебе огромное! – искренне поблагодарила я. – Ты даже не представляешь, как много для меня сделала!

– Да ладно! – отмахнулась девушка. – Заходи!

– Непременно! Если... если амнезия не вернется.

Итак, уже трижды и за короткое время я обманула: Светлану Ильиничну, сына, продавщицу. Поставила личный рекорд. Обычно я избегаю вранья. Не потому, что я личность хрустально-нравственная, а потому что брезгливая – лукавство для меня прочно связано с душевной грязью, и к тому же я ленива: вранье надо помнить, а мне это, как выражается Данька, *в лам*. В дальнейшем – определено – количество обманутых и масса вранья будут только возрастать. Получила новое тело – будь любезна заодно принять связанные с ним правила игры.

Игра – вот подсказка. Как сказал Вильям *наш* Шекспир: «*Весь мир – театр и люди в нем актеры*»¹. В другом переводе развернутее: «*Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль*»². Не одну, обратите внимание! Выражение «*Totus mundus agit histrionem*» (весь мир играет комедию) украшала здание театра «Глобус», для которого писал свои пьесы Шекспир.

В подвальном секонд-хэнде пахло мерзко. Я потянула носом, замерла, скривилась.

Продавщица, такая же милая девушка, как давешняя, в «Нижнем белье», но усталая, не иначе как отравленная постоянной химической атакой, на невысказанный мной вопрос (Чем тут воняет?) с монотонной привычностью пояснила:

– Дезинфекция, повышенная химчистка, весь товар проходит специальную обработку. У нас имеются брендовые, абсолютно новые, неношеные вещи, в том числе из гардеробов ультразвезд Голливуда и Европы.

В ее, продавщицы, воображении Голливуд был, вероятно, таким же континентом как Европа или Европа – страной, как и Голливуд.

– Убедили! – с излишним энтузиазмом воскликнула я. – Мне нужны брендовые джинсы с прорезами и футболка, исконно неношенная. Все – на тысячу семьсот двадцать рублей. Больше у меня ни копейки, а надо выглядеть стильно. Очень надо!

Дырявые джинсы, я убеждена, еще один признак беспомощности дизайнеров моды. Что им (потребителям) еще навязать (впендюрить, втюхать)? Что еще абсурдное?

Когда художник не обладает истинным художественным даром, когда он не способен достучаться до сердца образами на полотне, когда его кисть беспомощна, когда он маляр, а не живописец, он придумывает полотна с цветовыми пятнами, кульбитами ломаных линий, с приклеенными перышками и мелкими зубчатыми колесиками – деталями часов. Называет

¹ Цитата из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится» в переводе А. Флори.

² Там же. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

это как-нибудь вроде «Муки Вселенной». Зритель стоит, пялится, пытается соответствовать, художник-то модный! Зритель изображает постижение идеи. Народ – пленник моды и модных идей.

Данька никогда не был Народом и Зрителем, кодированным технологиями массового потребления (одежды или произведений искусства). Но однажды появился ко мне с Машей и Катенькой, наряженный, как внучка и невестка, в дырявые джинсы. У Маши прорехи с бахромой красовались на левом бедре и ниже правого колена. У Даньки они шли как тире – по обеим ногам сверху донизу. У внучки стильные мелкие дырочки проклюнулись там и сям.

– Бедные вы мои! – всплеснула я руками и припечатала ладони к щекам. – Как износились-то! Рвань на рвани рванью погоняет, хоть на паперть идти за подающим. Ручки протянуть, добрые люди монетку бросят. Может, я вам, детки, свою пенсию стану отдавать? Оденетесь по людски, а там, глядишь, и повернется к вам судьба...

Маша и Даня мгновенно включились в игру, хотя их реплики были из разных пьес.

– Сто долларов, – выставила Маша ногу вперед. – Сто пятьдесят, – ткнула в колено Даньке. – Гуманные тридцать на Катюхе. Фирма!

Она потешалась, я видела. Потешалась надо мной – деликатно, с подмаргиванием, над мужем – с иронией.

– Какая разница, – говорил Данька, – чем зад прикрыть? Если Машке хочется, пусть покупает. Но в желтом халате кришнаитов я на работу не пойду! Машка! Я тебе авторитетно заявляю! Мама! Не дай ей купить мне облачение «Хари Кришна!»

Маша снова мне подмигнула, шумно вздохнула, прижала руки к груди, изобразила затаенный страх, повернулась к Даньке:

– Как? А ради нашей любви?

Я не выдержала, расхохоталась. Что я, не видела в кино, в чем нынче молодежь щеголяет? И, наконец, предоставила слово Кате, ради которой и затеяла этот спектакль. Пусть в памяти у внучки останется маленький штришок, точка, запятая, вопрос: почему бабушка странно отреагировала на дырявые модные джинсы.

Благие намерения воспитателей, рассказывающих о подвигах героев против разбойников, нередко имеют противоположный эффект: разбойник нравится больше, чем герой. Русский фольклор вообще антипедагогичен: лежи на печи, потом тебя печь сама повезет, и женишься на царевне.

– Хочу на патвельть (паперть)! – заявила внучка. – Бабушка, где патвельть? Мне там денежек дадут? Я видела. Надо так...

Катя плюхнулась на пол, трогательно протянула ручку и скривилась плаксиво:

– Памагите-е-е! Фвлиста лади! На пловитание! (пропитание, очевидно).

Неудивительно, что она видела подобное. Недалеко от нашего дома находится храм Воскресения Христова в Сокольниках. Маша верующая, ей нравится этот храм, и она часто водит в него дочь.

Маша и Даня оторопели, не нашли в первую минуту, что сказать.

Даня, мой материнский привет из твоего детства! Внуки, как известно, отомстят нашим детям. За твое цитирование классики в неподходящие моменты. Трехлетний Данька наизусть знал «Конька-Горбунка». К нам пришли гости, уселись за стол, Данька оглядел их и изрёк: «Тьфу ты, дьявольская сила! Эк их, дряней, привалило!»

– Вы тут разбирайтесь, – сказала я. – Мне надо ужин подогреть.

И улизнала на кухню. Я не вмешиваюсь в воспитание единственной и ненаглядной внучки, просто вношу сумбур.

Мое желание купить дырявые джинсы, исходя из вышесказанного, не просто отдает снобизмом, а предстает абсолютным ханжеством. На первый взгляд. Ведь остается мир – театр, опять-таки смотрите выше. Театр – это костюмы.

С помощью продавщицы я подобрала джинсы, были ли они ношенными, по линялой ткани не определить, но обтягивали меня как рейтузы гусара, побывавшего в сражениях – прорехи добрая маркитантка еще не успела заштопать. Белая футболка с веночком мелких цветов, рассыпанных по диагонали от правого плеча до низа, определенно новая – с биркой.

Я так нервничала, примеряя, что не закрывала рот. Повела продавщице, что во времена, когда о футболе не слышали, сей предмет туалета назывался фуфайка, можно удостовериться в словаре Ушакова, хотя в четвертом издании словаря Ожегова уже появляется синоним фуфайки – ватник. Исподнее, разряд поддевок, вдруг становится верхней одеждой. Катавасия с названиями, определенно, началась после революции, когда с одеждой было крайне плохо, усилилась и закрепилась в тридцатые репрессивные годы, когда лагерные термины влились и укоренились в языке...

Всё это я моросила безостановочно, примеряя джинсы и футболки, они же фуфайки, коротайки, душегрейки, поманихи, кобатеи, бузурухи...

В результате продавщица стала обращаться ко мне на «вы». Знаменательное отличие: предыдущая девушка в «Женском белье» от «вы» перешла на свойское обращение, а в секунд-хэнде, напротив, от дружеского тыканья – к почтительному «вы». Я ей совершенно задурила голову поманихами и кобатеями.

Вдобавок я стала вываливать сведения об охране труда.

– Вы на вредном производстве! При такой вонище! Вам полагается дополнительный отпуск, прибавка к зарплате, как минимум – молоко за вредность.

– Какое там! – скорбно трясла головой девушка. – В Москве на птичьих правах, сама-то я с Украины, з-под Днепропетровска. Тут, в подвале, мало кто выдерживает, а у меня ни насморка, ни слез, ни крапивницы!

Она так трогательно говорила об отсутствии аллергии. Словно призналась в музыкальной бездарности: нет у меня слуха!

– Вы должны благодарить родителей за отменный иммунитет! – воскликнула я, предварительное попросив разрешение надеть на себя покупки.

– От хозяйки не то что молока, ста рублей к зарплате не допросишься, – жаловалась девушка.

– Вы ей намекните на то, что знаете трудовое законодательство!

– А она мне – миграционной службой!

– А вы ей – *сама штраф заплатишь и в миграционную службу, и в налоговую*. Где она еще найдет продавщицу без аллергии? Такие дети, наверное, остались только выращенные з-под Днепропетровском.

– Точно! – Девушка заметно взбодрилась. – У нас все в целом в большинстве здоровые.

– И пусть ваша хозяйка имеет в виду, что сенсбилизация организма имеет пределы. Иными словами, вы полгода дышите отравой, а потом ваша иммунная система говорит: «Хватит, я устала!», и вы имеете весь аллергический набор – от насморка до удушья с последующей астмой.

Девушка напугалась:

– Может, мне уволиться к чертовой матери? – И тут же встряхнулась: – Пока не уволились, надо слупить с хозяйки что можно. Я ей скажу, что заходила женщина ученая по аллергии, вы же типа студентка? Почти доктор. Как, еще раз? Синсиби... Я запишу.

Ученым следует изучить методику выращивания детей з-под Днепропетровском. Вырастают кровь с молоком и обладают психикой, устойчивости которой позавидуют космонавты.

В ходе этой «научно-практической» беседы я умудрилась придать своему секонд-хэнд-скому туалету легкий штрих – просунуть в шлёвки пояса джинсов скрученный шарфик вроде пояса. Мне хотелось что-то прежнее, свое, оставить в наряде.

Я так и сказала, то есть спросила:

– Как вам шарфик? Мне нужен якорь, пусть самый маленький и незаметный, но из прошлой жизни.

Девушка пропустила *якорь из прежней жизни*, она как раз записывала по слогам: «синсибилизация ни бисконечна сказала имунолог». Букву «е» девушка явно недолюбливала. Закончив, вскинула голову:

– Клёво. Но по центру нехорошо концы висят, как из ширинки поникшие члены.

Я не ожидала от нее литературного «поникшие» и не могла вообразить несколько членов из одной ширинки.

– «Сенсибилизация» – первое «е», дальше все «и», – подсказала я. – «Ни» исправляем на «не», «бесконечна» пишется через «е», «имунолог» с двумя «м». Шарфик не подходит?

– Классно смотрится, я ж говорю. Только узел справа или слева на одну шлёвку вбок отступить.

Я выполнила рекомендацию и осталась довольна: ниже талии (теперь брюки носят ниже нижнего предела на торсе) свешивались лопушки шарфика, я их, нежно шелковые, могла потрогать и обрести воспоминание-уверенность.

С девушкой-продавщицей мы расстались не подругами вась-вась (как в «Нижнем белье»), а подругами ровесницами, одна из которых вырвалась в научную заумь, а вторая нашла в себе почтение и уважение к тому труду, что потребовался, чтобы вырваться, и даже перешла на «вы».

6

Поднявшись по ступенькам из подвального магазина, я полной грудью втянула условно-чистый воздух: смесь нагретого асфальта и выхлопных газов автомобилей – после химической атаки он показался мне хрустально-горным.

Ну, итак?

Бабушка говорила, что у моего деда счетовода-звездочета была привычка в разговоре вставлять: «Ну, и так?» – когда ему надоедали досужие плаканья, стенания и прочие озвучиваемые горести пришедших гостей и родственников. Они имели полное право жаловаться, времена-то были тяжелые. С другой стороны, время – общее, одно на всех, а нытиков я тоже не люблю. И еще дед, когда щелкал на счетах, выискивая пропавшие две копейки, время от времени спрашивал себя: «Ну, и так?»

Я знаю, что не только черты лица, но и черты характера, не только строение фигуры, но и жесты, повороты тела, кулинарные, художественные, эстетические пристрастия, моральные принципы и нравственные установки передаются генетически. Если вы скажете, что словечки передаваться не могут, не стану спорить. Это уж слишком. Возможно, не с ДНК, а от воспоминаний бабушки, от собственного подросткового *себяделания*, из-за оторопи, которую вызывала у окружающих моя фантазия, появилась у меня привычка тормозить, спрашивать себя: «Ну, и так?» Периодическое подведение итогов и деланье выводов.

В черед заурядно периодического было и по-настоящему судьбоносное.

Ну, итак, ты написала анонимное объяснение в любви Жене Уколову. Ваши, девушка, выводы, заключения, планы?

Я сочиняла не в стихах, но с мукой посрамленной девичьей гордости Татьяны Лариной «*Теперь, я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать...*» и с мольбой, когда он, Женя,

меня (конечно!) вычислит, он никогда-никогда не будет вспоминать об этом письме. Послание на Женю произвело впечатление. Оно действительно было проникновенным, я неделю сочиняла. Женя почему-то в адресаты выбрал блеклую, туповатую Иру Комарову и стал с ней дружить-встречаться. Наш девятый «Б», а также педагоги не могли объяснить этого выбора самого выдающегося юноши. А меня, внутренне дребезжащую от испуга, страха и надежды, все: родители, подруги, учителя – посчитали больной. В инкубационном периоде какой-то страшной хвори, вроде желтухи, то есть гепатита, – как у Игоря Смирнова из восьмого «А», из-за которого пожелтело полкласса и трое учителей.

Выводов, они же планы действия, два.

Первый – подойти к Жене и признаться в авторстве. Как он мог допустить, что вяломозглая Комарова способна найти *такое* описание чувств в длинном сложноподчиненном предложении с однородным подчинением: *когда я вижу твой профиль... когда ты злишься... когда ты смеешься... когда случайно проскальзываешь по мне взглядом...* Подойти и открыться – это погибнуть, умереть на месте, потому что у меня уже нет сил. В школе я безучастный автомат, поглощающий знания и выдающий их при ответах у доски или на контрольных – помимо воли и сознания. Будто у меня в мозгу есть участок академической занятости, работающий изолированно. Как автомат газированной воды – опустил в щель три копейки, получил газировку с сиропом. Механизм выдачи воды не может быть размером со шкаф, значит, внутри автомата много пустоты.

Я стою перед своим домом и не могу вспомнить, в какой подъезд надо войти, к ужасу мамы я положила коробку со стиральным порошком в холодильник, к недоумению папы новую, нечитанную «Роман-газету» засунула под мойку, где лежат старые газеты, подстилаемые на дно мусорного ведра. Бабушка обозвала меня вредительницей: в бак, в котором на плите кипятилось постельное белье, я зачем-то погрузила свою зеленую кофточку, отчаянно линяющую. Бабушка была помешана на чистоте постельного белья, которое кипятилось, стиралось в машине, полоскалась в трех водах, крахмалилось и синилось. Белоснежная постель, стеклянной гладкости была для бабушки символом хорошей достойной жизни.

Кстати, моя подруга Лена Афанасьева от неразделенной любви забывала таблицу умножения, но с утроенной силой наряжалась, красилась и почему-то зачитывалась кулинарными рецептами. Вот и разбери нас, девушек.

Вывод второй. Ни Татьяне Лариной, ни мне эпистолярное объяснение в любви не принесло успеха, облегчения, утешения, смены линии судьбы. Напротив, добавило горечи, отчаяния, подвело к острому воспалению девичьего стыда. Следовательно, народная мудрость в очередной раз права: девушке негоже первой в любви объясняться. Бессмысленно и травматично для сознания. Коль случилось, протекло, то – забыть, засыпать, замуровать, заасфальтировать, утоптать, утрамбовать. И жить дальше. С клеймом, но жить.

Ну, итак, меня бросил муж. Поправка. Нас – меня и Даньку. Это даже не больно, это как будто ты – варево, первое блюдо, типа борща. Только основа не бульон, а соляная кислота, в которую день за днем, час за часом бросаются ингредиенты. Не картофель, капуста, морковь, лук, а отчаяние, растерянность, надежды, домыслы, жажда мщения и готовность все простить, лишь бы вернулся. Кислота все сжигает, и внутри тебя булькает адская жидкость. Если в нее ничего не бросать: запретить себе думать, анализировать, проклинать, мечтать – зелье начинает разъедать стенки, и ты чувствуешь, что скоро от тебя не останется даже оболочки. Вывод: надо что-то делать, спастись – хотя бы ради сына. Мама и папа, вижу и не вижу их тревогу, чувствую и не чувствую недоумение: ведь не ссорились, не скандалили. И затаенное: может, мы чего-то не знаем? Сергей был (уже был) такой славный, умный, деликатный. Что не так с нашей дочерью? Порядочные люди почему-то ищут недостатки в себе, в близких и любимых, а не в

пришлых варягах. У аморальных натур все с точностью до наоборот – всегда виноват кто-то не свой.

Подруга Лена, на то и близкие подруги, чтобы приходиться в бешенство за нас более, чем за себя, натыкалась на мой протест:

– Усмири свое неистовство, оставь меня в покое, хватит в мой борщ бросать катализаторы!

– Борщ? Откуда борщ? Сашка Калинкина, у тебя всегда воображение зашкаливало. Хватит образности и что такое катализаторы?

– Вещества, ускоряющие реакцию, но не входящие в состав продуктов реакции.

– То есть стой я в стороне?

– У меня сейчас весь мир в стороне.

Ленке Афанасьевой (у нас со школы была привычка называть друг друга по имени и фамилии) я позвонила, когда «Ну, и так?» не действовало, когда ничего не действовало, даже мысли о Данькином будущем. В котел уже все брошено, новых ингредиентов не поступает, изъязвленная оболочка ползет по швам.

– Ленка! – позвонила я подруге. – Подыхаю.

– Вот теперь ты правильная женщина! – одобрительно отозвалась подруга. – А то не подступись к тебе ни родителям, ни мне, ни черту лысому. Между прочим, когда Галка, сестра нашего Вити, разошлась с мужем, она ему в кальсоны, которые он в числе прочего забирал из квартиры, насыпала дусту. Чтоб чесался, чтоб знал, чтоб ему до не излечиваемой экземы. И это по-нашему! А Вероника Никаноровна! Помнишь, квартира под нами, хореографическое училище, балетмейстер. Не надо было выходить замуж в сорок лет за двадцатилетнего и голубого до синевы. Но она ему куртуазно отомстила...

Ленка говорила и говорила. Приводила примеры разводов, в которых муж оставил жену. Ленка трещала с вдохновением человека, который долго копил и, наконец, получил возможность выплеснуть. Я слушала. Ленку радовало, что я не обрывала монолог.

Потом насторожило:

– Сашка Калинкина? Ты где?

– Я здесь. По паспорту Калинина.

– Ты позвонила... что-то от меня хочешь? Могу помочь? Калинкина-Калинина! Ты никогда не умела просить. Так не живут в советском обществе. Мы: один за всех, а все за одного. Ой, ты говорила, что если не выскочить из пионерских лозунгов, то навечно останешься с красным галстуком на шее. Сашка, не томи, проси, пожалуйста! Что ты молчишь? Совести у тебя нет! Я уже месяц на работе и дома одними междометиями огрызаюсь!

– Ленка, съезди к нему, пожалуйста! Поговори. Почему? Почему пусть не мне, Даньке не объяснил. Это какая-то невообразимая степень презрения. За что? Когда казнят, прежде чем казнят: четвертуют, сажают на кол, вешают, расстреливают – произносят приговор. Я не знаю текста приговора. Ты спроси Сергея. Без текста приговора мне не выкарабкаться.

– Он ведь оставил записку?

– Из двух предложений. Одно простое, второе односоставное, определенно-личное. «Я ушел. Не звони!»

Записку я обнаружила на столе, когда мы с Данькой вернулись из Евпатории, Сергей почему-то не встретил нас на вокзале. У Даньки за прошедший год было четыре бронхита и одно воспаление легких – он кашлял безостановочно, с ноября по май. Данька напоминал узника фашистского детского концлагеря. Папа продал свою коллекцию монет, уникальную, и я с сыном на три месяца уехала в Крым. Планировалось, что Сергей присоединится к нам в отпуске, но у него не получилось, не отпустили с работы. Я ему писала на четырех-шести страницах пространные письма, он изредка присылал открытки. На их лапидарно повторяющийся стиль и беспомощные восклицательные знаки я почему-то не обращала внимания. «Купайтесь,

наслаждайтесь! У меня – швах на работе! Не продохнуть, не вырваться! Обнимаю!» Какой мог быть «швах» в институте у младшего научного сотрудника летом?

Лена Афанасьева хороша в ярости и во гневе. Лицо у нее простоватое, чуть сонное, *курско-орловского замеса*, по выражению Юры, Ленкиного мужа. Не исключаю, что ради того, чтобы увидеть, как преображается жена, как распахиваются ее глаза, взлетают брови, трепещут ноздри и пляшут губы, Юра нет-нет да и доводит ее до злого исступления.

Ленка пришла к нам в состоянии: *хочется рвать и метать, рвать и метать* (Бывалов в исполнении Ильинского, фильм «Волга-Волга»). Подруга была хороша необыкновенно.

Дверь за ней не успела закрыться, как Ленку прорвало:

– Он сволочь, зараза, предатель и скотина последняя!

– Ты видела Сергея? – спросила я.

– Да! Этот мерзавец хотел уклониться, но я пригрозила, что пойду в партком института и буду разговаривать с ним в присутствии членов бюро. Тогда он сказался больным. А я к нему домой нагрязнула! В высотку на площади Восстания. Он тебя давно обманывал, потому что она уже сильно беременная, на шестом или седьмом месяце.

– Высотка? – спросил папа.

Мы все толкались в прихожей: мама, папа, я, Данька.

– У беременных большой живот, – сообщил Данька, – но только у женщин.

– Важное уточнение, – сказал папа. – Беременных мужчин можно определить по глазам, когда они вынашивают идею. Пойдем, внук, я тебе поведаю, как рождались гениальные открытия. Женщины пусть поговорят о своем, о девичьем.

В рассказе Лены вводными словами, постоянно мелькавшими, были «провинциал» и «трамплин». К провинциалу Сергею пристегивались малопочетные эпитеты, а трамплином, без уничижительных определений, была я. Благодаря трамплину пронирыливый провинциал вскочил в семью своей плебейской провинциальной мечты – обрюхатил дочь заместителя министра мелиорации...

Дальше порога в сановную квартиру Лену не пустили, но я могла предположить, что облик моей подруги, восхитительно гневный, заморозил и замминистровскую жену, и домработницу, и беременную любовницу, и провинциала-слизняка, и его мелиоративное высочество, на заднем плане мелькавшее. Лене показалось, что говорила она, то есть обличала Сергея, едва ли не час, даже охрипла. На самом деле, наверное, не больше десяти минут орала, пока Сергей и домработница не вытолкали Ленку за дверь.

Я слушала подругу, понимала каждое слово, но смысл до меня не доходил, растекался по сознанию как масло по воде, не смешивался. Хотя ведь у меня было не сознание-вода, а сознание-кислота. Разве кислота не смешивается с жирами? В школьном аттестате по химии «пятерка»...

– У нас все будет хорошо, – сказала мама, когда Ленка выдохлась.

Мама произносила эту фразу в самые тяжелые периоды жизни. Между делом, при мелких горестях – никогда.

Умерла бабушка. Старенькая, полубезумная, сверхбезумно любимая и одновременно утомившая нас до крайности. Горе. Потеря. Стыд и раскаяние, потому что ждали ее смерти. Мама, как заводная, повторяла про *всё у нас будет хорошо*.

Я взорвалась на поминках, выпалила:

– Хорошо? Что может быть хорошо, когда нельзя вернуть любимого человека? Это твое вечное прекраснотушение! Наивная вера, что у хороших людей обязательно сложится хорошо. А у них все плохо! Навсегда! И не перед кем извиниться!

Мама тогда, на поминках, ничего мне не ответила и сейчас не удостоила даже взглядом. Повернулась к Ленке:

– Спасибо! Твоя помощь бесценна. Только я хочу предостеречь тебя, девочка. Не стоит вводить в свой лексикон слово «провинциал» как синоним прохиндейства или мелкого недостойного честолюбия, чванства. Твой муж Юра появился на свет не в роддоме Грауэрмана на Арбате, а в сельской больничке под Красноярском. Юра прекрасный, достойный человек. У нас все будет хорошо.

Я так никогда и не смогла подняться на ту нравственную высоту, которая покорила моей маме.

Ну, и так? Иду по Маленковской. Я одета правильно, не выделяюсь. Я сообразила, что нужно скорректировать походку, не качаться привычно – утицей из стороны в сторону – как беременная или толстуха. Мне почти не страшно. Благодаря недолгому общению с двумя продавщицами я обрела уверенность, которую не всякий американский психотерапевт внушает своим пациентам за многомесячную терапию. Знали бы девушки, сколько получают зарубежные целители психики! Я же в «Нижнем белье», по сути, расплатилась необязательными основами грамотности. «Надеть» и «одеть» путают все: от артистов до президентов. Эти паронимы, кажется, различают только грамматические гурманы. В «секонд-хэнде» я вещала про охрану труда, был ли в этом практический смысл, под большим вопросом. Обмен вербальной информацией произошел к моей большой выгоде. Если я разбогатею, то есть вырву свои кровные тысячи долларов, то обязательно наведаюсь к девушкам, подарю им... По букетику цветов хотя бы принесу.

Ничто так не поднимает нам настроение, как планы благородных поступков. Свершать их, правда, необязательно. Ты уже получил удовольствие от планов, умилился своей добротой и человеколюбию.

Маленковская улица упирается в Русаковскую. На углу слева восточный ресторан. Когда-то в этом здании был кинотеатр «Молот», потом детский кинотеатр «Орленок». Сюда я бегала девчонкой на «Морозко», потом водила сына, потом он сбегал с уроков на «Бриллиантовую руку».

Мне нужно налево – к метро. Опять-таки вдоль череды ресторанов. Их кухня мне знакома, хотя я ни разу ни в одном не была. Доставка на дом. Данька перед прибытием заказывает: «Мам, чего тебе у плиты париться? Я закажу в японском суши и роллы (баварские колбаски – в немецком, чебуреки и плов – в среднеазиатском)». Только никогда не заказывает в ресторане на месте «Орленка». Затрудняюсь сказать: ресторанный обед – свидетельство заботы сына или неприятие моей стряпни. Скорее все-таки первое: толстой одышливой маме не идти за продуктами, не стоять у плиты.

Сокольническая Слободка – следующая улица, параллельная Маленковской. Когда-то мы здесь с сыном гуляли, и я рассказывала ему про древние Сокольники, про просеку, вырубленную в лесу, где стояли избы сокольничих, тренировавших птиц для царской охоты, называла имена любимых соколов русских царей... Дальше на северо-запад через речку Язу – Преображенское, мы туда доходили. Это уже времена Петра Первого, самого неоднозначного из русских правителей, реформатора и душегуба похлеще Ивана Грозного или Сталина. Русская история, в отличие от русского фольклора, изобилует драматичными, неоднозначными в оценках событиями и персонажами.

На углу Сокольнической Слободки и Русаковской улицы (название не имеет отношения к лесным зверьям, улица названа в честь И. В. Русакова, врача и революционера, погибшего при подавлении Кронштадтского мятежа) стоит высокий дом, в тридцать с лишним этажей, имеющий собственное имя, точно поместье в Англии, – Дом в Сокольниках. А мой дом почти рядом,

в восьмистах метрах, он дом где? На Марсе? Мой дом – с маленькой буквы. А этот гигантский коренной зуб – с большой. «Зуб» в народе прозвали «Дом с подносом» или «Шляпа» – из-за плоской крыши высоко в небе.

Лет пятнадцать назад жители нашего микрорайона выходили на митинги (я, конечно, не выходила), собирали подписи против строительства этой высоты, я расписывалась во всех челобитных, что приносила Светлана Ильинична, и просила включить в перечень пунктов «против» – «ЭТО СТРОЕНИЕ ЗАКРОЕТ НАМ НЕБО!» «Что им небо, – отвечала старшая по дому, – когда такие бабки. Надо напирать на старые коммуникации». Хотя небо – это очень важно. Раньше мы выходили из парка Сокольники, шли по аллее и перед нами был простор. А теперь перед глазами торчит здание гостиницы за скромным павильоном метро, на противоположной стороне Русаковской. Точно гнилой зуб. Стоматологическая обстановка: клык Дома в Сокольниках и кариозная гостиница, справа от которой скромнеет каланча старейшей московской пожарной части, когда-то самое высокое строение в округе.

Так называемая «точечная застройка» в старых районах Москвы кажется мне чем-то крайне нескромным и пошлым.словно в группу бедных, плохо одетых тружеников затесался разнаряженный нувориш. Применительно к Дому в Сокольниках – это напомаженный Гулливер среди занюханых пигмеев. Стыдно! Русская интеллигенция всегда стыдилась своего богатства и нищеты народа, видела свое предназначение в борьбе за просвещение и счастье угнетенных. Интеллигенция советская в перестроечные времена утратила это качество и рванула в «новые русские» – в необуржуазную, с уголовным душком прослойку.

Наш пролетарский классовый гнев отчасти пригасает, когда между самими новорусскими строениями происходят конфликты. На Сокольнической Слободке стоит дом, один из первых суперэлитных в нашем районе. Не поверите, как называется, – Эгоист. Ни много ни мало вызывающе нахально и непристойно.

Любовь Владимировна, мать Маши, однажды пришла ко мне обескураженная. Она зашла в «Эгоист», спросила, «почем» квартиры.

– Тридцать шесть миллионов, Александра Петровна! Это сколько?

– Нисколько, – ответила я. – Сумма для нормальных порядочных людей смысла не имеет.

Так вот. Когда Дом в Сокольниках взлетел в облака, он закрыл «Эгоисту» небо. «Эгоисту» – эгоистово! Люби себя до невозможности трепетно в тени.

Антибуржуазность, антимещанство, неприятие меркантильных капиталистических ценностей и утех, сохранившиеся у горстки престарелых советских интеллигентов, к которой я себя отношу, имеют свойство растворяться и превращаться в натуральный конформизм, когда речь заходит о детях и внуках.

Данька хочет жить в Сокольниках. Потому что здесь мама – конечно, причина, но не будем столь уж обольщаться. Данька вырос в Сокольниках, он знает в парке каждый уголок, едва ли не каждое дерево или куст. Это его родина и лучший район Москвы. Данька задумал купить квартиру в Доме в Сокольниках.

Мы там были. Шлагбаум, охрана, вход по пропускам. Стекланные раздвигающиеся двери (в моем подъезде – металлические, гаражные). Вестибюль с живыми деревцами в кадках, кожаный диван и кресла, напротив них, за стойкой, консьерж в костюме и при галстукe. Лифт зеркальный, то есть все его стены – зеркала. Впечатляет.

Катю восхитило обилие отражений:

– Меня тут так много! И тебя, бабушка, тоже! И мамы с папой!

Из лифта выходим в небольшой холл. На стене картина, пошловатая, честно говоря, репродукция «Утро в сосновом бору» Шишкина, столик и два кресла. Кто тут сидит? Челябинка, прислуга, ждущая по утрам позволения войти в апартаменты и приступить к обязанностям? Направо и налево две стекланные двери. Налево две квартиры, поясняла Маша, по двести квадратных метров, если не больше. Нам – направо. Маша непривычно возбуждена, много-

словно. Она говорит, что тут, в отдельном, изолированном, но не маленьком предбаннике, прилегающем к ста сорока метровой квартире, можно развесить по стенам Катькины рисунки и поставить напольные вазы или корзины с сухоцветами. Маша увлечена созданием композиций из сухих цветов. Данька тоже взволнован, но прячет свои эмоции за бурчанием: «Эти твои пылесборники!»

Квартира, которую они собираются купить, была неприглядна, если не сказать, что напонила помещение, где преступники держат заложников, а если выкупа не поступит, то заложников можно легко прикончить. Громадная серая, унылая пустая бетонная коробка. Владельцы не делали ремонт, потому и цена, считают Маша и Даня, приемлемая. Зато тут три стояка! Оказалось, это водопроводно-канализационные подводки. Один – для кухни, два – для ваннных и туалетов. Трем человекам не обойтись без двух туалетов и ваннных? Ребята ходили по бетонной крошке, и градус их энтузиазма повышался, а мой сходил на нет. Во сколько выльется превратить этот склеп с видом на Сокольническую Слободку и Русаковскую улицу? Возвести стены, сделать пол и потолки, оштукатурить, покрасить, двери установить, сантехнику... Я не спрашивала о стоимости. Я поняла, что и для первого взноса им не хватает, а потом ипотека (на двадцать лет!) под залог моей и Любви Владимировны квартир.

Мы согласны! Мы ради детей готовы съехать в дом престарелых за полярным кругом. Мы знаем, что они никогда не допустят подобного.

Мы так не жили! Мы панически боялись долгов, ведь их надо из каких-то доходов отдавать. «Каких-то», кроме зарплаты не имелось. Наши дети – другие. Смелые, авантюрные, бесшабашные. «Даня, как можно ехать с семейством в отпуск в Грецию (кататься на снегоходах на Алтае, на квадроциклах в Мурманской области), если у тебя непогашенный кредит в банке?» – «Мама, легко! Не парься!»

С Любовью Владимировной мы по телефону давали волю своему возмущенному недоумению. Причем время от времени менялись местами (как хороший и плохой полицейский).

– В Грецию? – пыхла я.

– Так и меня берут, – каялась Любовь Владимировна. – Паспорт заграничный сделали, визу шлепнули. Ой, не знаю! Вы-то отказывались!

– Неоднократно! Куда мне! В самолете нет кресел для моих габаритов. Да и вообще!

Другой разговор:

– Александра Петровна, это уж ни в какие рамки!

– Что случилось?

– Даня купил Машке автомобиль! Нашлась принцесса! Правда, машина бэу. Трудно ей общественным транспортом передвигаться!

– Купил, значит, имел возможность.

– Какая возможность, если в долгах как в шелках?

– Что Маша говорит? Она ведь вам, как матери, должна признаться!

– Говорит: «Не парься, мама!» В смысле: не волнуйся, – пояснила Любовь Владимировна.

– Но вы-то выпытали?

– Вроде Даня как бы сверхурочно, как бы на халтуре, какой-то проект в смысле компьютерной программы стал делать. Очень денежный. По ночам сидит, глаза как у бешеного кролика – красные. Я ничего не понимаю в этом! – прохлюпала Любовь Владимировна.

Она имела в виду не конкретную ситуацию, а в целом – жизненную установку наших детей.

– Аналогично, – призналась я.

После посещения Дома в Сокольниках мне стали понятны прежде казавшиеся абсурдными действия богатых родителей, которые покупают своим отпрыскам дорожные автомобили. Детки гоняют на них с сумасшедшей скоростью по ночной Москве. Сбивают случайных

прохожих, то есть становятся убийцами, преступниками. Детки сами гробятся – погибают или долго лечатся, остаются инвалидами. Почему? Зачем вы подвергаете своих детей безусловной, когда-нибудь обязательно реализуемой опасности?

Потому что ребенок хочет! Он давно вышел из возраста, когда его можно порадовать (себя, возможно, больше, чем его) новым конструктором или чудесной куклой. Он давно оторвался от вас, живет в реальности, в которой вы не понимаете ни бельмеса. Но вас по-прежнему изъедает потребность порадовать дитятку, увидеть на его лице восторг и благодарность, почувствовать невыразимое счастье его объятий, когда он бросается вам на шею.

Данька, конечно, не пресыщенный отпрыск олигархов, не чокнутый стритрейсер. Но если мне удастся выцарапать свои накопления, на первичный взнос за квартиру в Доме в Сокольниках должно хватить.

7

Я вхожу в метро. Ступеньки, повороты лестницы... Когда-то пролетала ее птицей. Теперь двигаюсь медленно, с опаской, сердце колотится, как у провинциалки, впервые спускающейся под землю, чтобы пронестись из конца в конец столицы на быстром поезде.

Не люблю выражение «коренной москвич». Оно у меня прочему-то ассоциируется с ржавым автомобилем (была такая машина «Москвич»), вросшим в чернозем. «Потомственные москвичи» – звучит намного приятнее и достойнее. Мы, потомственные москвичи, и примкнувшие к нам новые москвичи передвигаемся в метро как сомнамбулы – оказавшись в нужной точке прибытия, не помним, как совершали пересадку, шли по переходам. Мы движемся в толпе, мы в ней существуем и обладаем умением быть независимыми от толпы, не замечать ее, думать о своем. Это способ существования и выживания в мегаполисе. А вовсе не зазнайство и снобизм, в котором обвиняют москвичей *гости столицы*. Разве мы не выныриваем из транса, не отвечаем вам доброжелательно и подробно, как куда проехать? Хотя в схеме метро разобраться проще простого. Мы, конечно, выходим из себя, когда приезжие провинциалы замирают на сходе с эскалатора, вертят головой в поисках подсказок на подвешенных в вестибюле станции табло. Очень сложно понять, что, сойдя с эскалатора, надо идти вперед, отступать в сторону, но не закупоривать поток народа, катящийся за тобой по живой лестнице? Это элементарно, гость столицы!

В двух метрах от последней ступеньки частоколом выстроились рамки-проемы. Я знаю – это антитеррористическое приспособление. Народ бодро двигался и мимо рамок, и через них. Значит, рамки отключены. Но при моем прохождении обязательно зазвенит даже отключенная! Я остановилась, точно как гостя столицы, впервые оказавшаяся на эскалаторе. С той лишь разницей, что позади меня была статичная, а не движущаяся лестница. И это не отменяло *дружеских приветствий* из уст обтекающих меня людей, а неделикатный толчок в спину помог проскочить рамку. И она не зазвенела!

Почему касса, в которой продаются билеты, всего лишь одна? Их было шесть или семь. Почему нет очереди к единственному окошку? Спокойно! Возьми себя в руки! Подумаешь, не спускалась в метро лет десять... пятнадцать как минимум! Это не повод для паники, хотя очень хочется рвануть обратно вверх по лестнице, бежать до дома, плюхнуться на ортопедический матрас, перевести дух... А кто будет детям деньги добывать? Потомственная москвичка! Постыдись!

– Девушка, вам помочь?

Молодой человек, для меня и тридцатилетний – молодой. Улыбается как профессиональный оболститель: нежно и снисходительно, покровительственно и обещающе.

– Спасибо, сынок, мне помощь не требуется.

– *Сынок?*

Вытаращил глаза, смотрит на меня с легким испугом и ожиданием забавного представления. Так смотрят на сумасшедших: повеселиться – за милую душу, но вдруг ненормальная девка выхватит ножик и полоснет?

Сынок – у меня выскочило из подкорки. Бабушка постоянно, а мама иногда – называли *сынками* и *доченьками* моих ревуших сокамерников в детском саду, потерявшихся детей на улице, прочую мелкоту, которую требовалось успокоить методом внушения родственного контакта. Теперь подобные обращения не приняты. Но в обиход вошло *брат*. В чем правда, брат? Брат, помоги! Брат, ты меня понимаешь?

– Иди, брат, своей дорогой! – недвусмысленно скривилась я.

Новомосквич, явно отработавший приемчики «помощи» поначалу робким, смазливый провинциалкам, приехавшим в Москву за большой жизненной удачей, не мог подозревать, что его неудачный приступ оказал на меня активное психотерапевтическое действие. Равное воздействию милых продавщиц.

Испугать меня метро! Ха-ха! Я в нем полжизни провела! Вторую половину – в магазинных очередях за продуктами. Данька болел, часто болел. У меня три работы, все – внештатные. В один конец Москвы отвезти отредактированную рукопись, в другой – перевод с английского статьи про кардиологическое шунтирование, в третий конец приехать в редакцию автомобильного журнала и лечь на пороге, не подняться, пока не расплатятся за статью про японский автомобильный концерт. Платили внештатникам копейки. Каждая копейка была на счету.

Я знаю, как теперь оплачивать проезд в метро! Мне Любовь Владимировна, мать Маши, рассказывала. Приложить к желтому кружку на турникете социальную карту. У нас, московских пенсионеров, проезд в общественном транспорте бесплатный!

У меня есть социальная карта. Я ее приложу, и тут же меня за ручку схватят: «Девушка, позвольте посмотреть на ваши проездные документы!» На социальной карте моя круглая физиономия едва вместилась в маленькое фото. «Это вы? Есть документы, подтверждающие личность? Паспорт? Вы тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения? Как не стыдно! Пройдемте, девушка, в отделение милиции, тьфу ты, полиции». И я там буду рассказывать скучающим сержантам про Боровичка из «Морозко»? Как проснулась утром волшебным образом помолодевшая? Я имею право на бесплатный проезд, но доказать это право невозможно. Следовательно, надо ехать за деньги. Приблизиться к кассе, прислушаться, что говорят кассирше пассажиры.

«На одну поездку», «на две поездки» – и получают карточки. Не пяточки, не пластиковые нежно-салатового цвета жетоны, а карточки – типические, похожие на банковские, но попроще. Так, наверное, походят на царственного предка замухрышки бастарды – плоды скоротечного секса на постоялом дворе с прислугой-поломойкой.

Я не буду давать волю фантазии! Проклятая, она тоже получила вторую жизнь. Мне требуется выяснить, сколько сейчас стоит поездка в родном московском метро. На стекле у кассы есть плакатик с пояснениями. Как же мелко написано! Я такое меленькое только в очках +3 разберу. Вижу без очков! Одна поездка – 55 рублей. Батюшки святы! Дороже хлеба! Нарезной батон в интернет-магазине, с доставкой до дверей – 40 рублей. У меня в кошельке сотенная купюра. На одну поездку, на обратную не хватает...

Саша Калинкина! Стыдно, унижительно и без авантюрно, наконец, получив молодое тело, предаваться стенаниям. Вдруг я не раздобуду денег? Как обратно доберусь в свою квартиру – крепость-гнездо, на свою любимую постель, к электронной книге, компьютеру и телевизору?.. Обратись я за помощью, позвони по телефону, меня никто из родных и близких не узнает, мне никто не поверит... Случится конфуз, скандал, комедия положений с шизофреническим душком. И негаданное удивительное приключение рассеется в прах. Я этого не хочу! Я сме-

лая, только трусливая. Мне требуется совершить элементарное действие – протянуть деньги в окошко кассы и сказать простое предложение.

– На одну поездку, пожалуйста!

Я прошла! Чуть не запела, приложив карточку к желтому кружку. Футуристически прекрасный турникет распахнул стеклянные дверцы и пропустил меня. Он, автомат, повторяет это движение тысячи раз в день. Я оглянулась и мысленно поблагодарила его.

Как и Данька, я постоянно читаю фантастику, отечественную и англоязычную. Для нас любой зачаточный робот, сидящий в металлическо-пластиковом теле заурядного турникета, может превратиться в монстра, рубящего пассажиров на куски, посылающего волны приказов своим собратьям на других станциях...

Я должна обуздывать свою фантазию! Она мне всю жизнь испортила! Но с ней, с фантазией, все-таки жить увлекательней. И не она ли сейчас помогает мне справиться со страхом, оторопью и подпитывает меня, посылая в кровь дозированные порции нужного химического вещества – точно капсула, вшитая в тело алкоголика. Сравнение хромает, но всякое сравнение либо хромает, либо зашкаливает.

Вагон, в который я вошла, был тоже футуристичен: ярко освещен, над дверями бегущая строка с мигающим названием следующей станции, между вагонами проходы. Окна закрыты. Работает кондиционер! Устыдись, моя фантазия, ты такого не создавала.

Я ведь помню душные, со спёртым воздухом вагоны, с грязными полами, порезанными вандалами сиденьями... И наши лица: хмурые, недружелюбные, а у тех, кто отхватил сидячие места – опущенные в читаемую газету. А в периодике истерический мрак и тоска: история страны – череда властвующих людоедов, подвиги народных героев – пропагандистские мифы, нас спасут демократия и рынок, пусть и приходится подтянуть пояса. Наивные, мы подтягивали пояса, а кто-то приватизировал недра или разгуливал в малиновых пиджаках и с пистолетами под мышкой.

У нынешних сидячих пассажиров лица тоже были опущены – в сотовые телефоны. Забавно: только человек вошел в вагон, сел, тут же достал телефон и воткнулся в него. И стоячие ухитряются: одной рукой за поручень, другой телефон перед носом держат. Я специально прошлась по проходу, заглянула: они читают? Отнюдь. Читали единицы, кто-то играл, кто-то в чатах перелистывал сообщения, кто-то писал сообщения. Мне стало немного не по себе, точно попала в общество зомбированных. Я перенеслась в будущее, мчусь под землей в суперпоезде... Сотовые операторы вкупе с интернет-провайдерами, с подкупленными депутатами и членами правительства обеспечили вай-фай в метро, превратив граждан... Да, ла-а-адно кликушествовать!

Глупо портить себе настроение, если не можешь его испортить другим.

Я застыла у схемы метро. Как же она разрослась! Жирный паук источился, пустил нити, сардельки-лапки удлинились сосисками... Что это за вторая окружность после Кольцевой линии? То самое МЦК? Надо бы проехаться. Увидеть Москву из окна комфортабельного поезда. Моя родная Сокольническая линия. После «Юго-Западной» появилось еще три станции – «Тропарево», «Румянцево» и «Саларьево». Очевидно, названия старых деревень, совсем не знаю юга Подмосковья.

– Девушка, вам помочь? До какой станции вам нужно добраться?

Еще один добрый самаритянин.

– Я похожа на неграмотную? На неспособную разобраться в схеме метро?

Моя рефлекторная отповедь пришлась не на матерого омосквитившегося гостя столицы, а на типичного с признаками вырождения потомственного москвича. Лет двадцать пять, не студент, но и не профессионал, невысокий, залысины уже наметились, а юношеские прыщи еще не сошли.

Я всегда питала слабость к молодым людям-приставальщикам, которые были ниже меня ростом. Это ведь своего рода подвиг. На коротеньких симпатяшек всяк западет, а попробуй дылду очаровать.

– Прощу прощения, если был бестактен!

Ему пришлось приподняться на каблуках, а мне склониться. О, это известная фишка в метро! Интим возникает, потому что из-за шума поезда надо приближать губы к уху.

– Извини! – Я улыбнулась и развела руками.

– Скрипач не нужен, – ухмыльнулся он в ответ и двинулся по проходу в конец вагона. Даже по его спине было заметно, что последней фразой он себе обеспечил крохотную порцию самоуважения. Оставил глупую девицу в недоумении.

Девице было сто лет в обед.

«Скрипач не нужен» – это из фильма «Кин-дза-дза», который я знаю наизусть. И еще так называется великолепная книга литературоведческих очерков Павла Басинского.

Нам с Ленкой было лет двадцать, еще не замужем, еще без детей.

– Представляешь, когда-нибудь, наконец, к нам перестанут приставать в транспорте и на улице? – закатывала глаза подруга.

– Скорей бы! – так же картинно и притворно вздыхала я.

Приставали не каждый день, чего уж лукавить. Но если ты не ловила мужских пригласительно-ласковых взглядов, завистливо-оценивающих женских, то наступала трагедия. Юбка недостаточно короткая, фасон платья старушечий, туфли ужасные, сумочка отвратительная, стрижка пошлая, макияж несовременный – все плохо-плохо-плохо! Надо срочно что-то с собой делать!

Мы не заметили, как перешли в иной статус. К нам уже не клеились нахальные гости столицы и маскирующие свою интеллектуальность потомственные москвичи. Нам с Ленкой нужно было поднимать детей и подпирать мужей. Ближе к сорока годам к Ленке вернулось *баба ягодка опять*, а у меня неукротимо разрастался целлюлит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.